

POBBECCHINI 6 1982

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Июнь, 1982 год, № 6

В НОМЕРЕ:

ПОЧЕМУ И КАК ЛЮДИ ВСТУПАЮТ
В БОРЬБУ ЗА МИР. РАССКАЗЫВАЮТ
МОЛОДЫЕ АМЕРИКАНЦЫ,
ЗАПАДНЫЕ НЕМЦЫ, ДАТЧАНЕ,
ФРАНЦУЗЫ, ФИННЫ

На первой странице обложки: родина этой палестинской девочки захвачена оккупантами. О ней и сотнях тысяч ее сверстников из других стран, страдающих от войн, голода, болезней, рассказывается в материалах (стр. 4—7), посвященных Дню защиты детей.

4. СМОТРИТЕ: ДЕТИ И ВОЙНА
6. ОТ КОГО ЗАЩИЩАТЬ ДЕТЕЙ?
8. А. Каверзнев. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ВЫДЕРЖКА В БОРЬБЕ ЗА МИР
11. Роланд Ланг. ЧАС «Х»
14. Д. Г. Грин. «МЫ ВЫРОСЛИ ВМЕСТЕ С БОМБОЙ»
15. Эин Бэнкс. «ОН САМ СЕБЕ НАПИСАЛ НЕКРОЛОГ»
16. Самуэль Дей. «ОСТАВАЛОСЬ ТОЛЬКО ПОДАТЬ В ОТСТАВКУ»
18. Петер Пауш. ГЛАЗА МОЕЙ СОВЕСТИ
19. Армин Кульмани. «ТА САМАЯ КНОПКА...»
21. Лайон Лэурилла. «В БОРЬБЕ ЗА МИР ЛИШНИХ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ»
22. Эрик Хольм. «НАС МНОГО, И МЫ НЕ ПРЯЧЕМСЯ»
23. Жан Эмбер. «СТРАХ ЗА КУСОК ХЛЕБА, СТРАХ ЗА САМУ ЖИЗНЬ»
24. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
26. Джон Чивер. ПРЕЛЕСТИ ОДИНОЧЕСТВА. РАССКАЗ
28. О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора)

Художественный редактор Е. А. Гричук

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 255-59-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 15.04.82. Подп. к печ. 28.05.82. А03315. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 000 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 586.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушская ул., 21.

ПРАГА. Чехословакия, как и многие другие социалистические государства, оказывает большую помощь развивающимся странам в подготовке национальных медицинских кадров. Более тысячи молодых людей разных национальностей, получив диплом врача в ЧССР, теперь работают в государствах Африки, Азии, Латинской Америки. Несколько сот чешских и словацких докторов читают лекции в медицинских учебных заведениях Афганистана, Алжира, Ганы, Ирака, Кении, Нигерии, Панамы, Венесуэлы и других стран. Врачи Чехословакии написали учебник по лечению тропических заболеваний, который многократно переиздавался и был переведен на несколько языков.

ХОШИМИН. Около 500 жителей этого города, в основном молодежь, стали первыми членами открывшегося здесь клуба русского языка. Он создан ассоциацией патристической интеллигенции Хошимина. Мероприятия, проводимые клубом, позволяют желающим не только изучать язык, но и лучше познакомиться с жизнью советских людей. Одним из направлений деятельности нового клуба станет дальнейшее укрепление дружеских связей с побратимом Хошимина Ленинградом.

САН-САЛЬВАДОР. Сальвадорские власти при поддержке и помощи Соединенных Штатов ведут войну на уничтожение против крестьян, рабочих, студентов, интеллигенции своей страны. С октября 1979 года война против народа ведется в открытую. Число жертв террора превысило 30 тысяч: женщины, дети, старики, молодежь.

На снимке: власти обрушивают кровавый террор прежде всего на молодежь.

ИОГАННЕСБУРГ. Репрессии, полицейский террор, аресты — таковы методы, при помощи которых расистский режим пытается утвердить свое господство над коренным населением Южно-Африканской Республики. Арсенал средств расовой дискриминации растет из года в год. Так, новым законом в стране запрещено использование крови черных доноров для переливания белым пациентам. Политика произвола и жестокости царит не только в ЮАР, но и насаждается на оккупированной территории соседней Намибии.

На снимке: арест участника антирасистской демонстрации в Йоханнесбурге.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ

САНТЬЯГО. Здесь состоялась нелегальная встреча представителей чилийских вузов, выступающих против фашистского режима Пиночета. Они обсудили пути дальнейшей борьбы за права учащихся, выразили протест против продолжающихся репрессий, против реакционных «антиреформ», проводимых хунтой в системе образования страны. Студенты и преподаватели Чили вновь подтвердили свою решимость бороться против антинародного режима.

ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

НЕ ДАДИМ ВЗОРВАТЬ МИР!

ОБРАЩЕНИЕ XIX СЪЕЗДА ВЛКСМ К МОЛОДЕЖИ МИРА

Друзья! Молодое поколение всех стран и континентов!

XIX съезд ВЛКСМ обращается к вам в эти тревожные для судеб мира дни от имени 41-миллионного Ленинского комсомола, всей советской молодежи. Угроза всеобщему миру нарастает. Стараниями милитаристских кругов США и НАТО гонка вооружений подходит к той крайней черте, за которой она грозит выйти из-под контроля, столкнуть человечество в пропасть ядерной катастрофы.

Огромный вред международной безопасности наносит линия противников разрядки на обострение политической напряженности, ставка сил агрессии, милитаризма и реакции на диктат и подчинение своим «жизненным интересам» подлинных интересов народов различных районов мира. В сердце Европы — континента, где победа над фашизмом и агрессией была оплачена бесценными жизнями миллионов людей, — уже готовятся стартовые площадки для новых американских ядерных ракет. Европейцев, все человечество пытаются приучить к преступной мысли о допустимости «ограниченной» ядерной войны и первого атомного удара. Милитаристская истерия тяжелым грузом ложится на плечи молодого поколения. Она поощряет чудовищное расточительство материальных и духовных богатств общества, которые по праву должны быть унаследованы молодежью.

Силы милитаризма пытаются обмануть молодежь, скрыть подлинный источник надвигающейся опасности. Мы, ваши сверстники, заявляем: разглагольствования о мнимой «советской угрозе» — это наглая и циничная ложь. Советский Союз никому не угрожает, не стремится к конфронтации ни с одним государством. Нет такого вида вооружений, который Советский Союз не согласился бы ограничить, запретить на взаимной основе. Он готов к самым радикальным договоренностям в этом направлении с другими странами. Именно на это направлены выдвинутые неутомимым борцом за мир и счастье народов товарищем Л. И. Брежневым Программа мира на 80-е годы, новые конструктивные мирные инициативы СССР. миролюбивая политика нашей Родины полностью отвечает интересам советской молодежи, выражает волю всего советского народа, она продиктована искренним желанием мира для всего человечества.

Борьба против военной опасности и гонки вооружений — дело всех и каждого. Молодежь должна в полной мере осознать свою ответственность за сохранение и упрочение мира. Сегодня есть все возможности воздвигнуть мощную преграду силам агрессии и войны.

Ленинский комсомол, вся советская молодежь преисполнены непреклонной воли сделать все, чтобы устранить опасность ядерной войны, отстоять прочный и справедливый мир для всех государств и народов. В борьбе за эти священные цели мы выражаем готовность к совместным действиям. Ни расстояния, ни различия в убеждениях не должны и не могут помешать преградить путь силам безумия и войны.

Мы призываем молодежь всех стран:

давать решительный отпор проидам милитаризма;
умножать усилия в борьбе за прекращение гонки вооружений;
устранить угрозу ядерной войны.

Пусть крепнет антимилитаристское единство молодежи планеты!
Не дадим взорвать мир!

смотрите:

ДЕТИ И ВОЙНА

Ужасы второй мировой войны побудили человечество задуматься над многими бедами, омрачающими существование народов, и попытаться объединить усилия в борьбе за достойную людей счастливую жизнь.

В канун разгрома гитлеровского фашизма и вскоре после Победы возникли многочисленные демократические организации, было положено начало массовым прогрессивным движениям, призванным не допустить впредь и во веки веков повторения несчастий, принесенных войной.

Одним из таких движений стало движение в защиту детей. В 1949 году Московская сессия совета Международной федерации женщин учредила День защиты детей. С тех пор этот день отмечается ежегодно 1 июня. Отмечался он во всем мире 1 июня и нынешнего, 1982 года.

Но от чего, от каких напастей и опасностей надо защищать детей сегодня? В современном мире? При современном уровне цивилизации? При современных возможностях науки?

День защиты детей — уместный повод задуматься над этими вопросами, уместный повод поинтересоваться судьбой детей, которая для нас, дорогой читатель, привычно связывается с детскими яслями и садами, школами и Дворцами пионеров, летними лагерями отдыха и зимними праздниками с Дедом Морозом и Снегурочкой и, конечно, такими неприятностями, как невыученные уроки, расквашенный в драке нос, схваченная после морозного простуда и т. д. и т. п., словом, до бесконечности — серьезными и не очень огорчениями, без которых, как и без радостей, невозможно представить жизнь.

И так везде? Нет.

Вот одна только цифра, которой, однако, вполне достаточно, чтобы оценить серьезность опасности, нависшей над детством: из 122 миллионов детей, появившихся на свет в 1979 году, а это был, как известно, Международный год ребенка, каждого десятого уже нет в живых.

Ужасающий факт — 12 миллионов детских смертей, — словно бы из далекого-далекого прошлого или с другой планеты, а между тем это сегодняшняя статистика, отражающая сегодняшнюю трагедию детства, которая происходит ежедневно, ежечасно и не где-то на другой планете, а на планете Земля.

От чего же гибнут дети? От чего их надо спасать?

На обложке и предыдущем развороте этого номера журнала опубликованы документальные снимки. На них дети: палестинские, североирландские, сальвадорские, ливанские. Снимки эти сделаны в наши дни, можно сказать, буквально вчера, но уже сегодня нет никакой уверенности, что все эти дети еще живы. В любой момент они могли или могут быть убиты, потому что в их странах, на их земле бушует пламя войн, развязанных, спровоцированных, подогреваемых империализмом и

прежде всего империализмом США.

Не прекращаются военные провокации израильских сионистов на Ближнем Востоке, идет под диктовку американских инструкторов планомерное уничтожение людей в Сальвадоре, гибнут под бомбами и снарядами южноафриканских расистов мирные жители приграничных районов Анголы, гремит канонада на границе многострадающей Кампучии и Таиланда, не утихает колониальная война английских империалистов в Ольстере.

Европа, Азия, Латинская Америка, Африка — практически на всех континентах планеты империализм ведет большие и малые войны, в которых тысячами гибнут дети.

Дети гибнут на войне невинно и незаслуженно, как погибали и наши, советские дети под бомбами и пулями в годы фашистского нашествия на нашу землю. А в это время империализм готовит им еще более ужасную

участь, еще более массовое истребление, ассигнуя миллиарды долларов на создание хитроумных механизмов и средств, способных убивать, калечить, отравлять, сжигать целые народы.

Вот еще одна цифра, еще один возмутительный факт: только в нынешнем, 1982 году на военные цели будет истрачено 500 миллиардов долларов — миллион долларов в минуту. Но и этого империалистам кажется мало. Администрация Рейгана намерена повысить военные расходы США к 1986 году на 40 процентов, навязать миру дальнейшую гонку вооружений и соответственно дальнейшую растрату ресурсов и средств.

Трудно представить, какой рывок в социальном развитии человечества мог бы быть совершен, если бы эти астрономические средства были использованы на благо мирного развития. А в это время от голода ежегодно умирает 15 миллионов детей в возрасте до 5 лет.

ОТ КОГО ЗАЩИЩАТЬ ДЕТЕЙ?

От чего надо защищать детей?

Вот что сказано в докладе «Положение детей в мире, 1980—1981 год», подготовленном Детским фондом ООН: «Как бы ни была невыносима мысль о том, что ребенок, пусть даже один-единственный, голодает, факты показывают, что число детей, которые в настоящее время страдают от серьезного недостатка белков, равно примерно 10 миллионам (то есть около 2 процентов) детей младше 5 лет во всем мире. Если расширить это определение до понятия «умеренного недоедания», цифра составит примерно 100 миллионов, то есть около 20 процентов всех детей младшего возраста на планете. Это ужасающе высокий процент».

От чего надо защищать детей?

Как отмечается в упомянутом выше докладе Детского фонда ООН, из почти 4,5-миллиардного населения планеты 780 миллионов человек живут

в абсолютной нищете. Среди этих беднейших из бедных — 300 миллионов детей. Детей, появившихся на свет без квалифицированной медицинской помощи; детей, не вакцинированных против болезней, которых можно избежать; детей, которых никогда не осмотрит врач.

В наиболее бедных странах в лучшем случае повезет одному ребенку из десяти, и он будет обследован врачом, и ему сделают прививку против дифтерии, столбняка, кори, туберкулеза, коклюша, полиомиелита — болезней, которыми чаще всего болеют дети и которых можно избежать посредством прививок.

Статистика свидетельствует: ежегодно 250 тысяч детей теряют зрение из-за недостатка витамина А. Стоимость же требуемого для одного ребенка витамина А не превышает 50 сантимов (50 сантимов = $\frac{1}{12}$ доллара) в год. Сравните: 50 сантимов и 500 миллиардов долларов! Но именно этих 50 сантимов, помноженных на 250 тысяч, «не хватает» для спасения от ужасной участи детей, обреченных на слепоту, теми, кто не жалеет миллиардов на гонку вооружений.

От чего надо защищать детей?

От неграмотности. От тех, кто видит в народном образовании прямую угрозу своему господству.

Вот несколько фактов, проливающих свет на масштабы этой беды:

- в расистской ЮАР расходы на обучение одного белого школьника в десять с лишним раз превышают расходы на обучение африканского ребенка;

- к моменту освобождения Кампучии от полпотовских изуверов каждый третий ребенок школьного возраста был неграмотным;

- при диктаторском режиме Сомосы в Никарагуа более половины жителей страны не умели ни читать, ни писать;

- в 1958 году, в канун победы революции на Кубе, 600 тысяч кубинских детей не могли посещать школу, а 10 тысяч учителей не имели работы.

И еще факты, свидетельствующие о патологической ненависти угнетателей всех мастей к тем, кто несет в народ знания:

- в годы правления в Кампучии банды Пол Пота из 23 тысяч учителей было уничтожено 18 тысяч;

- по прямому наущению госдепартамента США недобитые сомосовцы в Никарагуа попытались организовать террор против учителей, совершив десятки злодейских убийств.

И снова — разные страны, разные континенты: Азия, Африка, Латинская Америка, разное время: почти четвертьвековой давности и нынешние дни. Но обратите внимание на единый почерк угнетателей, на их последовательность в осуществлении своих целей — преградить народам доступ к знаниям, безжалостно уничтожать тех, кто эти знания несет.

Почему?

Отвечая на этот вопрос, один из представителей революционного пра-

вительства Никарагуа сказал: «51 процент неграмотных, бывших в нашей стране при сомосизме, имеет конкретное объяснение: роль, которую играла Никарагуа в рамках международного капитализма, заключалась в том, чтобы производить сырье, необходимое для империализма, которому не требовалась квалифицированная рабочая сила... Этим ясно объясняется причина такого огромного процента неграмотных».

Но не только.

«Быть образованным, чтобы быть свободным» — эти слова принадлежат национальному герою Латинской Америки Хосе Марти. В них сформулирована та смертельно опасная для империализма цель, к которой стремятся народы, борющиеся за свое национальное освобождение и социальную справедливость, и против которой испокон веков выступали и выступают сейчас угнетатели.

Эксплуататорам не нужны знающие, думающие, образованные массы, способные понять, кто их враг, способные сплотиться на борьбу с этим врагом, способные победить.

Вот почему защита детей от неграмотности — это защита будущего народов от перспективы вечного рабства. Революционные силы современности хорошо понимают это. Борьба за образование разворачивается одновременно с борьбой за национальное освобождение и становится важнейшей задачей победивших революций. Вспомните Анголу, где в самые тяжелые времена битвы с португальскими колонизаторами на освобожденных территориях для детей создавались школы. Вспомните Сальвадор, где в условиях жесточайшего террора и кровопролитной борьбы в районах, контролируемых патриотами, дети учатся писать и считать — первое поколение крестьянских детей, приобщающихся к знаниям. Вспомните Кампучию, где после освобождения страны в январе 1979 года борьба с неграмотностью сразу же стала одной из самых неотложных задач народной власти, да еще до изгнания банд полпотовцев на состоявшемся в джунглях Кратье учредительном заседании Единого фронта национального спасения в ряду первоочередных была поставлена и такая задача: «Преодоление неграмотности, строительство школ, профессиональных училищ, институтов». И это в Кампучии, потерявшей 18 тысяч учителей! И вспомните, наконец, блистательный опыт Кубы, где достигнут самый высокий в Латинской Америке уровень грамотности населения и где сегодня все дети страны охвачены системой школьного обучения — все!

А теперь уместно спросить, кто несет неисчислимые страдания и невзгоды, от которых необходимо, настоятельно необходимо защитить детей? Кто несет детям гибель и увечья, голод и болезни, обрекает на нищету и безграмотность? Ответ может быть один — империализм.

В этом номере «Ровесники» печатает подборку материалов о том, почему и как люди вступают в борьбу за мир. Вы убедитесь, что действуют они по самым разным мотивам. У одних возникает острое чувство самосохранения. Другие руководствуются нравственным чувством, совестью. Много и таких, кто сначала как бы случайно попадает на митинг или из любопытства присоединяется к уличному шествию сторонников мира. Говорю — как бы случайно, потому что на деле сами эти митинги и шествия закономерны, они вызваны вполне определенными социальными и политическими процессами. Так было, например, в прошлом году в Западной Европе, где одновременно во многих странах вспыхнуло массовое антиракетное движение. По мощи и воздействию на политическую жизнь, включая washingtonскую, оно сравнимо с историческим движением сторонников мира пятидесятых годов. Конечно, какая-то часть людей сначала была вовлечена в него силой инерции, присущим человеку желанием быть с другими. Но это верно лишь до тех пор, пока новый приверженец движения в своих раздумьях не выходит за рамки элементарных вопросов и ощущений. «Ракеты опасны, — слышит он вокруг себя. — Нейтронное оружие чудовищно. Химическое — это такое же средство массового уничтожения. Надо защищать жизнь, бороться». И наступает день, когда приходится дать самому себе отчетливый ответ на совершенно конкретный вопрос: против кого бороться? А это уже не так просто. Тут инерция кончается, надо делать политический выбор.

Сложность в том, что можно, наверное, на пальцах подсчитать, сколько ответственных государственных деятелей на протяжении нынешнего столетия призывали к войне. Очень немногие решались на это. Подавляющее большинство западных руководителей вдохновенно говорило про мир, с большим ораторским мастерством, а войны в той или иной части земного шара бушевали почти беспрестанно.

Из числа откровенно воинственных

WE DON'T WANT TO BE NUCLEAR HOSTAGES
OF US IMPERIALISM MOUNTING PROTEST
OF EUROPEAN YOUTH AND PEOPLE AGAINST

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ВЫДЕРЖКА В БОРЬБЕ ЗА МИР

деятелей вспоминается британский премьер Черчилль: после 1917 года он звал сражаться ради уничтожения Советской России. У него были влиятельные сторонники в Париже и Вашингтоне. Гитлер с конца 20-х годов, еще не придя к власти, уже делал ставку на войну как на средство установления «нового порядка» в Европе, а затем и на других континентах под господством германских нацистов. Гитлер напролом шел к этой цели, но даже он, став канцлером, временами произносил речи о всеобщем и вечном мире. Они звучали в его устах до крайности фальшиво, если не издевательски. Но не

будем забывать, что германским и некоторым другим европейским обывателям оказалось трудно разобраться во всей этой социальной, политической, расовой и прочей лжи и демагогии.

Вот ведь какая картина. Кого еще вспомнить? Президенты Соединенных Штатов, разжигая войны в Корее и Индокитае, облачались в тогу величайших миротворцев. Мао Цзэдун в конце 50-х годов сделал мировому коммунистическому движению поразительное предложение: не опасаться третьей мировой войны, не стараться избежать ее. Мао заявил, что война не такое уж несчастье, она якобы может быть и

US MISSILES!

А. КАВЕРЗНЕВ,
политический обозреватель
советского радио и телевидения

благом. Им было подсчитано, какая часть человечества погибнет, какая — уцелеет. У Мао получалось, что из ужасной катастрофы человечество вроде бы извлекает пользу.

К названным можно бы добавить еще несколько примеров. Но все же их будет немного, они однозвучны, хотя и очень опасные исключения на широчайшем фоне ежечасных призывов к миру, звучащих на всех языках. С начала века о желании мира повсеместно произносили речи короли, императоры, президенты, премьеры, депутаты, священники, генералы. Всех не перечислишь. Когда теперь на Западе кто-

нибудь из правящих неосторожно оговаривается и выдает свое истинное отношение к проблеме, ему немедленно приходится оправдываться. Так произошло в прошлом году с американским генералом Хейгом вскоре после того, как в Вашингтоне он занял пост государственного секретаря в администрации Рейгана. Хейг сказал, что есть вещи поважнее мира. Он имел в виду своекорыстные интересы Соединенных Штатов. Волна негодования, вызванная этим заявлением, прокатилась по многим странам и не улеглась по сей день: Хейгу, несмотря на все его попытки объясниться с общественностью и оправдаться, не прощают сказанного, а точнее, такой направленности американской политики. И сам Рейган, начавший свое президентство с весьма жестких, агрессивных внешнеполитических заявлений, в конце прошлого года попытка изменить тон и заговорить о всеобщем мире.

Некоторый отход вашингтонской администрации от грубовоинственной риторики явно вызван миролюбивой активностью Советского Союза. В Соединенных Штатах есть влиятельные люди, которые понимают, что даже простое сравнение курсов, провозглашенных Москвой и Вашингтоном, не в пользу Америки. Поэтому рейгановской администрации пришлось что-то смягчить, что-то иначе обозначить в своей внешней политике, хотя в основе и по существу все оставалось по-прежнему. Но подумаем сейчас о другом.

Какой разлад в мыслях, какое душевное раздвоение испытывают при всем этом люди на Западе, особенно молодые, да еще не питающие особого интереса к политике?

Получается так. В большинстве стран господствуют антивоенные настроения. Им созвучны лучшие книги и политические песни, кинофильмы, разного рода фестивали и общественные собрания. Правда, некоторые исторические и политические сочинения вносят сумятицу в умы, да и пропаганда войны в прямом виде запрещена в отличие от нашей Конституции далеко не всюду. Если верить их речам, западные государственные деятели миролюбивы. Говорят, что мира хотят в Вашингтоне. Мира, бесспорно, хотят в Москве. Зачем же эти ракеты, бомбы, угрозы, военное противостояние? Откуда эти беспрестанные осложнения в международных отношениях?

Я бы слукавил, сказав, что большинство на Западе склонно винить Соединенные Штаты. Но и нас в угрожающем поведении упрекают далеко не столь многие, как это пытается представить буржуазная пропаганда. Нет. В среде западноевропейской интеллигенции утвердилось и довольно широко распространилось мнение, будто дело тут в какой-то исторической несообразности, в амбициях великих держав, в пренебрежении принципами гуманности. Словом, конфликт зачастую искусственно рассматривается только в абстрактной нравственной плоскости,

ЭСТАФЕТА МИРА — В РУКАХ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ЗЕМЛИ.

Л. И. БРЕЖНЕВ
(Из речи на XIX съезде ВЛКСМ)

лишь в моральном аспекте. При этом забывается о главном: о существовании двух общественно-политических систем. Идеология социализма и капитализма несовместимы, они противостоят одна другой. Но в плане военном обе системы должны мирно сосуществовать. Такова наша принципиальная точка зрения; другого выхода нет, это объективная историческая необходимость. Наш читатель об этом знает. Однако на Западе не все верят в возможность такого сосуществования.

Боятся соперничества великих держав. Считают, что ни одна сторона хотя бы в силу якобы извечно присущих людям свойств никогда не откажется от преимуществ, а значит, будет стараться и наращивать эти преимущества. В результате появляются усталые возгласы — вроде того, что «все вы одинаковы», «никому нельзя верить», «уберите из Европы всякое оружие».

А мы вовсе не одинаковы. Социализм и капитализм абсолютно неправомерно ставить на одну доску. Это объяснялось бесчисленное множество раз. И жизнь дает тому все новые убедительные доказательства. Я упоминал уже о массовом антиракетном движении в Западной Европе. В Соединенных Штатах оно вызвало своего рода политическое потрясение: как это, западноевропейцы склонны отказаться от американских крылатых ракет и «Першинг-2»? Западные европейцы не нравятся нейтронное оружие, которое мы, дескать, только для того и создали в Соединенных Штатах, чтобы прикрыть несчастную Западную Европу? Как это? Вашингтонская администрация, чтобы сбить накал движения, стала всячески давить на Бонн, Париж, другие западноевропейские столицы. Она после долгих проволочек скрепя сердце согласилась на женевские переговоры с нами, а Рейган заговорил о мире. Но при этом ничто, абсолютно ничто не свидетельствует о том, что американцы всерьез готовы пересмотреть свои и натовские планы так называемого «ядерного довооружения» Западной Европы, то есть размещения там в 1983 году без малого шестисот

своих новых ракетно-ядерных систем. Прикрываясь пропагандистскими уловками, они практически делают все для осуществления этих планов. Пресловутое «нулевое решение» президента Рейгана именно потому и предложено им, что заведомо неприемлемо для СССР. Оно дало бы Соединенным Штатам полуторное, в другом варианте — двукратное преимущество в ядерных средствах средней дальности.

Теперь поразмыслим над нашей позицией. Антиракетное движение в Западной Европе не вызвало ни малейших возражений со стороны Советского Союза. А ведь известно, что там в некоторых городах люди выступают против «ракет вообще», против «всяких бомб», то есть и против наших, размещенных на европейской территории СССР. В отличие от американцев мы понимаем этих людей и не стараемся внушить им, будто советские ракеты — это нечто очень приятное. Нет, это — жизненная необходимость защитить себя. Ослабляет угроза со стороны Соединенных Штатов, НАТО, и мы сразу же ограничим принимаемые оборонительные меры. Во второй половине прошлого года и минувшие месяцы нынешнего Л. И. Брежнев предложил рассмотреть ряд конкретных

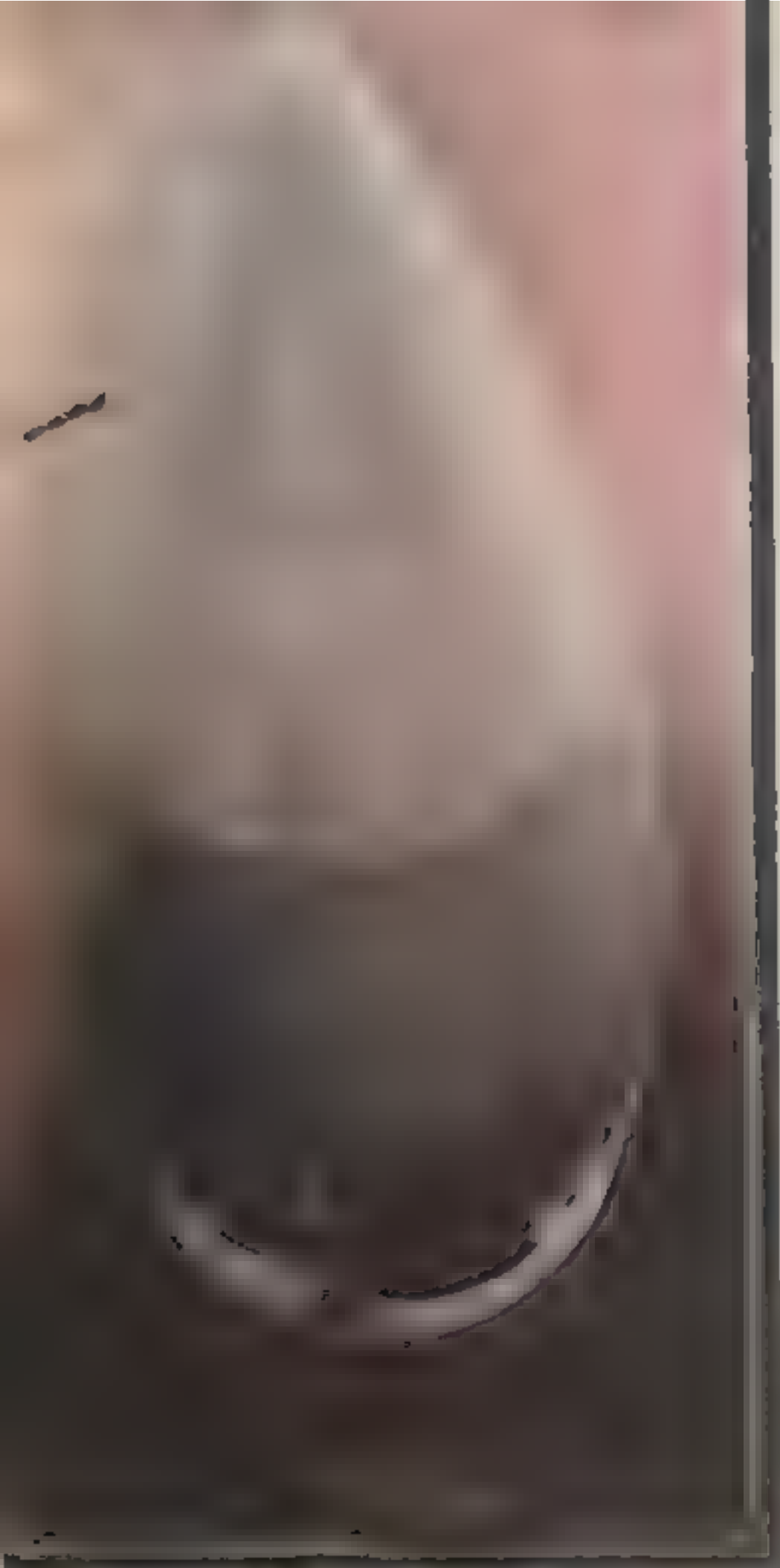
мер на этот счет. Американцы отказываются. Почему? Да потому что хотят попытаться «задушить» нас гонкой вооружений: у них даже в ходу такой оборот: «Заставить Советский Союз довооружаться до смерти». Они рассчитывают, что, обладая большими средствами, смогут военными мерами, военным присутствием утвердить свое господство или влияние во многих районах земного шара, богатых сырьем и стратегически важных. Это устаревшая нежизненная концепция. Им не удалось осуществить ее три десятилетия назад, тем более не удастся теперь: соотношение сил в мире стало совсем иным. Мы не позволим его нарушить, изменить примерное равенство в вооружениях. В этом суть нашей оборонительной позиции. А преимущество для себя Советскому Союзу не надо. По существу, только одно условие выдвигается нашей страной на любых переговорах с США: любое решение должно обеспечивать равенство и одинаковую безопасность сторон, никому не давать преимуществ.

В марте на съезде советских профсоюзов Л. И. Брежнев рассказал о решении правительства ввести в одностороннем порядке мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Уже развернутые здесь

такие вооружения заморожены в количественном и качественном отношении. Приостановлена замена старых ракет СС-4 и СС-5 на более новые СС-20. Кроме того, в этом году, если не будет нового обострения международной обстановки, наша страна сократит по своей инициативе известное количество ракет средней дальности.

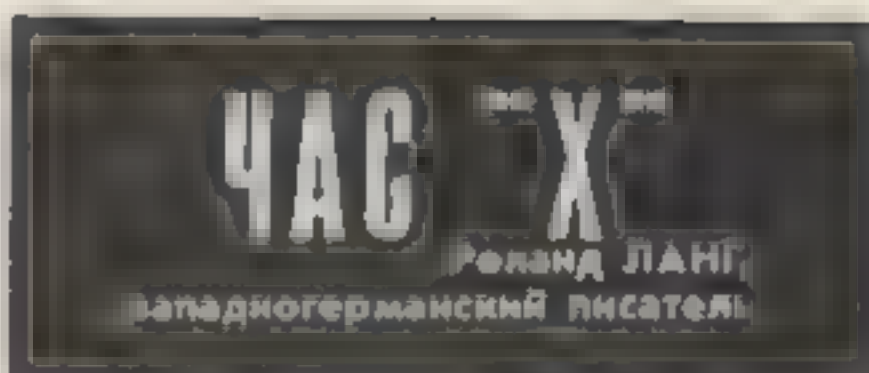
Вряд ли в одностороннем порядке можно сделать большее для того, чтобы облегчить достижение соглашения о крупном сокращении ядерных средств обеих сторон в Европе. Проблемы такого соглашения Л. И. Брежнев назвал ключевым вопросом предотвращения растущей сейчас угрозы мировой ракетно-ядерной войны.

Но как откликнулись на этот добрый пример в Соединенных Штатах? Президент Рейган отклонил его сразу же, не имея еще полного текста речи Л. И. Брежнева. Рейган сказал, что как президент никогда не допустит замораживания американских ракетно-ядерных средств в Европе. Правда, потом в свою оценку советских предложений в Вашингтоне внесли некоторые коррективы, но явно лишь под воздействием ряда влиятельных политических деятелей США, которые по справедливости увидели в действиях Советского Союза серьезное политическое содер-

жание. Однако остается непреложным фактом, что всякий даже очень небольшой сдвиг в решении этих насущнейших проблем происходит только в результате напряженнейшей политической борьбы Советского Союза и его друзей. Тогда же, в марте, выступая в Ташкенте, Л. И. Брежнев сказал: «В этих условиях экономическая и оборонная мощь Советского Союза и его социалистических союзников, их выдержка и самообладание, их последовательно миролюбивая политика с особой ясностью предстают перед всеми народами как главное препятствие на пути поджигателей войны, главная опора мира на земле».

Самообладание и выдержка — отличительная особенность нашей внешней политики. В самые напряженные моменты последних месяцев и лет Советский Союз не позволил столкнуться себя на пути военной конфронтации, которая многим на Западе порой казалась уже неизбежной. В этом и самое существенное различие между нашей и их политической философией. Конечно, мы высоко ценим усилия тех людей на Западе, которые активно включились в антивоенное движение — даже если они не во всем разделяют наши позиции и взгляды. Впрочем, борьба за мир в не меньшей мере в их собственных интересах.

На единой души Ветер гонит по пустым улицам черные листы картона. В сточной канаве валяется кукла. С ней некому играть. Детей больше нет. Гигантский овал никому уже не нужно стадиона. Гробовое безмолвие некогда галогистых заводов. Прошла та минута, когда человек в последний раз пробежал по цехам. Прошло то предсмертное мгновение, когда в глазах его отразилась последняя картина взорванного мира.

Есть такие вещи, о которых не хочется думать, которые не хочется себе представлять — и неприятно и обременительно. К тому же они кажутся невероятными. Хочется услышать что-нибудь успокаивающее. И тебя успокаивают. Не паникуй, говорят тебе, ничего подобного не будет. Но неуверенность остается. К тому же система самосохранения, действующая в мозгу, требует движения, кресок, песен, запаха луговой травы и человеческой плоти. Но вот некто, вперивши усердный взгляд в электронное табло, в ответ на заданный по телефону запрос подтверждает свою готовность. И протягивает руку. Правую руку. Чтобы одним пальцем, кончиком указательного пальца нажать на одну-единственную кнопку.

Бомба. Атом. Расщепление ядра. Водород. Система охлаждения. Ракеты. Отравляющий газ. Судороги. Паралич. Нейтронная бомба. Кремация. Все это только слова. Я пишу их, произношу, я вижу стоящий передо мной стакан, вижу краем глаза часть рукава, шевелю пальцами: все это действительно существует. Взрыв. Хейг. НАТО. Это только буквы. Как разобраться в пропагандистской лжи?

В тысячах мест и местечек живут, едят, беседуют, трудятся люди. Так было вчера. Так было и сто, и тысячу лет назад. Необозримо царство времени, сотканное из бесчисленного множества мгновений.

В одно из этих мгновений новость: «Адольф Гитлер осматривает Западный вал». Некто, живущий в Карлсруэ на Вальдштрассе, читает это сообщение. За окнами светит солнце, тренькают звонками велосипедисты, свистит на кухне закипающий чайник. Гитлер, Западный вал, Германия, победа, поражение — слова, одни слова. Никакого отношения к моей жизни они не имеют, думает этот некто. Вот стул, на котором я сейчас сижу, мальчишеский свист с улицы, зеленая скатерть на столе, предстоящий ужин — это реально, это действительно меня касается. У меня свои заботы, а до остального мне дела нет, все это далеко-далеко. Я люблю свою жену, своих детей, мне ни от кого ничего не нужно.

И все-таки человек, живущий в Карлсруэ на Вальдштрассе, встанет однажды со своего стула и вместе с другими мужчинами долгие дни и ночи будет ехать и идти, совершать марш-броски, засядет в окоп, рванет кольцо с лимоннообразной, величиной с кулак железяки, бросит эту железяку и убьет трех солдат. Он никогда не видел этих людей, не знает, как их зовут. Они ничего не собирались у него отнимать, не угрожали ему, не звали его к себе, и все-таки он проехал тысячи километров, чтобы убить их. И вот человек из Карлсруэ, с Вальдштрассе, чудом избежавший участи тех трех солдат, однажды отправляется назад, домой, и никакие угрызения совести не терзают его душу. Он добирается до родного города, сворачивает на свою Вальдштрассе и тут видит, что нет уже ни дома, в котором он читал когда-то газету, ни покрытого зеленой скатертью стола, нет больше и людей, сидевших когда-то вместе с ним за тем столом, и человек плачет; он стискивает руками голову и думает: безумие, какое безумие! Он вспомнит, как читал когда-то газету, вспомнит, как посвистывал чайник на кухне, вспомнит те слова — «Адольф Гитлер осматривает Западный вал» — и много других слов, прочитанных им в той же газете. Он вспомнит, что он тогда думал, посмотрит на обугленные развалины своего дома, от которого уцелела лишь пустая исковерканная амбразура окна, и скажет: Боже, не допусти, чтоб такое повторилось! Никогда больше, никогда!

Вчера человек, живущий в Карлсруэ на Вальдштрассе, старый, седой и согбенный, опять держал в руках газету, опять, как когда-то, читал сообщения и комментарии, кивал головой и думал. «Смотри-ка, Иван опять нам угрожает. Да, надо вооружаться. Нужны ракеты». И он подошел к окну, посмотрел на улицу, увидел там проезжающего мотоциклиста, женщину, наклонившуюся к ребенку, ощутил во рту приятный вкус сигареты, взглянул на свои руки, которыми опирался о подоконник, и подумал, что он немало ими сделал в своей жизни.

На атаку «крылатых ракет», защищенных со стационарных площадок из треугольника Карлсруэ-Штутгарт-Гейдельберг, сразу попавшего под пеленг советских разведывательных спутников, — на точную и эффективную, как и обещали военные стратеги, атаку, в результате которой с лица земли исчезли Псков, Минск, Киев, Одесса, Советский Союз ответил незамедлительным ракетным контрударом, под который попал и город Карлсруэ, имеющий важное военно-стратегическое значение как командный пункт и центр противовоздушной обороны, а также как узловой нефтераспределительный пункт юго-запада ФРГ и как месторасположение атомного реактора. Бывшая столица земли Баден-Вюртемберг и все, что находилось окрест ее в радиусе 35 километров, уничтожено в несколько

минут. В соответствии с разработанной в штаб-квартире НАТО стратегией «двойного убийства» с территории Западной Германии для нанесения удара по всем крупнейшим городам европейской части России, а также по Дрездену, Лейпцигу, Берлину, Варшаве и Будапешту стартовали бомбардировщики, оснащенные атомными бомбами типа «Найк-Геркулес», и ракеты «Першинг-3». Страны Варшавского Договора, отстояв с помощью советских ракет Прагу и Будапешт, тут же ответили ракетным карающим ударом: из подземных шахт на Урале и с подводных лодок, курсирующих в Северном и Балтийском морях, был произведен запуск стратегических ракет третьего поколения, две из них обрушились на Рурскую область, а именно на Дуйсбург и Бохум, одна — на центр Гамбурга, одна — на промышленные комплексы в районе Мангейм—Людвигсхафена, и еще две смели с лица земли индустриальный конгломерат Регенсбург-Ингольштадта. Ракеты, очевидно предназначенные для удара по Мюнхену, Саарбрюккену и Ганноверу, удалось сбить с американских военных спутников. Нейтрализация четвертой части советской атакующей мощи была оценена в специальном коммюнике боевого штаба НАТО по ведению атомной войны как успех общего и скоординированного оборонного потенциала «военного союза свободного западного мира».

Иногда, когда устаю и мной владеет апатия, я думаю: бессмысленно говорить обо всем этом, рисовать картины возможной войны. Вести дискуссии. Приводить аргументы. Ведь поверят тебе или нет — это зависит от множества почти не контролируемых обстоятельств и не зависит от того, обладают ли даром убеждения те, кто разделяет твою точку зрения. Если все мы не правы, если гонка вооружений и нынешняя политика США не увеличивают опасность возникновения войны и не делают войну более вероятной, то есть если борьба против ядерного вооружения отражает одно только пустое и чрезмерное паникерство огромной массы людей, если, наконец, окажется, что люди вроде Рейгана и его министра обороны Уайнбергера только с виду так агрессивны, а на деле — непоколебимые и целеустремленные борцы за мир и благо всего человечества, то и душа моя преисполнится радостью.

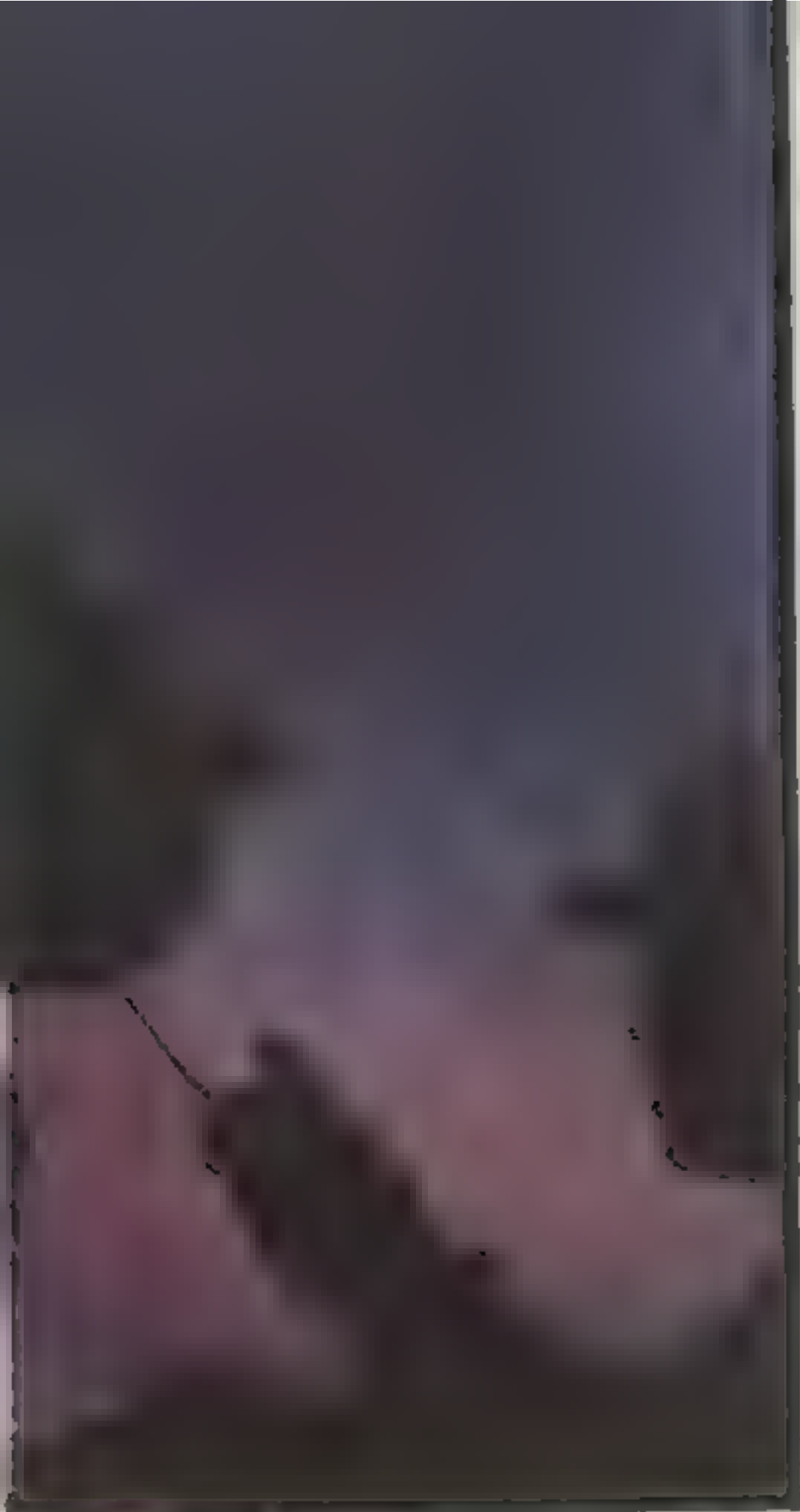
Ну а если все-таки правы мы? Если из-за недостаточной силы противоборствующего движения дело все-таки дойдет до часа «Х»? Вряд ли кто-нибудь из тех, кто на поверку окажется прав, станет тогда выражать свое удовлетворение по поводу того, что мыслил реалистически. Он никому уже не сможет сказать: смотрите, мы правильно оценили меру опасности, вы же витали в облаках, вас околпачили.

Человек, как известно, может посту-

пать против своих собственных интересов, чему я лично долгое время никак не мог поверить. Несмотря на то, что человек все видит, он не всегда бывает зряч. Об этом следует помнить. Нет, отдаться воле рока я вовсе не намерен. Я должен отдавать себе отчет в том, что моя возможная правота не дает мне основания сидеть сложа руки в ожидании, что чудо произойдет само собой.

Не однажды в немецкой истории случалось так, что миллионам людей приказывали идти в пекло, и они шли. И всякий раз, когда так случалось, находились «аргументы» в пользу войны. И многие, чересчур многие верили им. Так было в 1914 году, так было и в 1939-м¹. Оба раза это было «заблуждением», оба раза причины, которыми оправдывались эти войны, были насквозь фальшивыми, преднаме-

¹ Перед началом первой мировой войны, к разжиганию которой стремились все империалистические державы, германская пропаганда раздувала шовинистические настроения, доказывая, что Германия «обделена» колониями. Пропагандистским прикрытием для своей агрессии против Польши 1 сентября 1939 года (так было положено начало второй мировой войне) гитлеровский рейх избрал жалобы на «несправедливости» Версальского мирного договора 1919 года — Примеч. ред.

ренной ложью, но мы этого так и не осознали достаточно глубоко. Разумеется, власти придерживались никогда и не были заинтересованы, чтобы мы задумались, так как ни на минуту не отказывались от мысли вновь развязать войну, ноль скоро откроется «благоприятная возможность». Перед началом первой мировой войны говорили: если мы проиграем эту войну, Германия пропала, мы обязаны выиграть.

После того как война была проиграна, сразу после 1918 года, вряд ли кто считал возможным, что огромные массы немцев вновь можно соблазнить войной. Но минуло всего два десятка лет, и снова стало возможно с помощью этого народа вести войну, точнее — сопротивление (в народе) против новой войны перестало быть достаточно сильным, против той новой войны, которая, конечно же, выражаясь языком властей придерживающихся, была нам «навязана». И снова кричали: народ без пррстранства, Германия должна жить, даже если нам придется умереть. И снова на щит поднимался старый лозунг: если мы проиграем эту войну, всех нас ждет могила. Война была проиграна, немцы — посмотрим на это глазами остального мира — опустошили почти всю Европу, варварским образом уничтожили многие миллионы людей, и, когда умолкли орудия, ответ на вопрос, кто виноват, а кто прав, где причины, а где следствия, оказался

однозначным. После повторной массовой бойни, когда к 10 миллионам жертв первой мировой войны добавилось еще 55 миллионов погибших во вторую мировую войну, — и это всего лишь за 31 год, что соответствует тому интервалу, который отделяет нас от 1950 года, — нельзя было представить себе, что люди так скоро забудут, насколько лживыми, насколько преступными были лозунги, в которые они поверили тогда.

Но снова создается атмосфера, благоприятная для выступления в очередной крестовый поход, снова раздаются крики, что войну вести можно, что ее можно выиграть, что она даст преимущества, снова находятся оправдывающие эту войну «аргументы», и снова находятся люди, верящие этим аргументам. Как в первую мировую войну сражались за бога, кайзера и рейх, так во вторую мировую сражались за фюрера, народ и отечество, за приобретение жизненного пространства, полезных ископаемых, даровой рабочей силы и против большевизма. Все, что так или иначе противодействовало этим целям, подвергалось варварскому уничтожению, сначала в пределах самой Германии, позже во всей Европе. Когда ад кончился, когда народы Европы, принеся великие жертвы, одолели Германию, многие немцы думали, что эту войну, разорение и уничтожение других народов им простят, да и не заслужили они, на их взгляд, кары. Нельзя же карать целый народ. Все, надеялись они, обойдется и забудется. И они, в продолжение нескольких лет попиравшие международное право, настаивали теперь на соблюдении этого международного права. Они, по их мнению, имели на то «свое право».

А сегодня? Сегодня, как и встарь, клянут большевизм. Устанавливаются ракеты, которые, как утверждают специалисты, за четыре минуты могут достичь Москвы. «Во имя свободы и демократии!» И снова лозунг кажется правдивым, логичным, очевидным. Во всяком случае, многим он кажется именно таким. Снова нам угрожает опасность. Снова мы бедные-разнесчастные. Снова будем мы невинными агнцами, которых звели в заблуждение, снова в конце концов окажется, что мы «не хотели», что мы «ничего не знали», что нас «дьявол попутал». Снова виновными окажутся жертвы. Снова мы будем — если, разумеется, вообще «будем» — апеллировать к другим народам, чтобы они проявили понимание и помирились с нами. Снова попытаемся свалить в кучу правых и виноватых, причины и следствия.

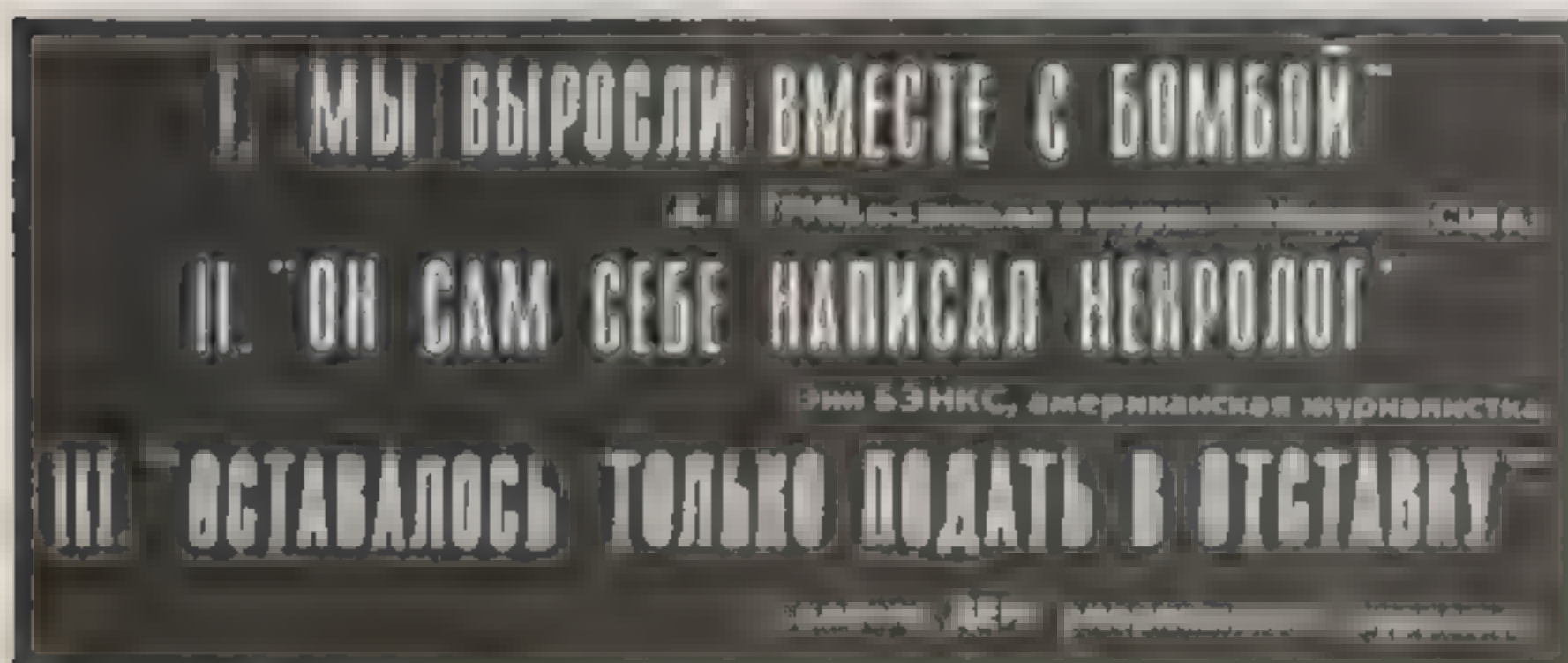
В таком свете представляется это кое-кому в нашей стране. Мы говорим, говорим и говорим, но можем ли мы чего-нибудь добиться? Изменим ли мы что-либо своими речами? Книгами? Дискуссиями? На это я отвечаю: да, думаю, что все-таки изменим. Мы изменяем себя, пока что только самих себя. То есть мы не сдаемся. Мы прояв-

ляем заботу о себе, а не вручаем свою судьбу в чужие руки. Мы сохраняем за собой право думать о себе и о своих кровных интересах и действовать в соответствии с этими нашими интересами. Пока мы защищаем собственную жизнь, жизнь эта еще имеет ценность. Мы не вручаем свою судьбу другим, мы будем бороться за наше дело, каждый в меру своих сил и возможностей. На первых порах, может быть, со страхом, даже очень вероятно, что со страхом, ибо те, «наверху», обладают властью и мягкостью не отличаются. Иные будут медлить, но в конце концов решатся вступить в борьбу и они. Ибо что в противном случае означает «альтернатива»? Не видеть очевидное, наложить на себя обет молчания, сложить руки и ждать, куда «челн вывезет»? Жить, закрыв глаза, заткнув уши, проглотив язык, забившись в темный угол?

Может статься, что снова, в который раз в истории нашей страны, массы трудящихся, матери и жены, стар и млад в решающий момент не окажут достаточного сопротивления тем, кто готов развязать еще одну и, очевидно, уже последнюю войну. Может статься, что снова, в который раз, нас побьют, сломают, сровняют с землей. Так может статься, хотя в данную минуту я снова с надеждой смотрю в будущее: я считаю, что у нас еще есть шансы не испытать «сей чаши». Но полной уверенности в этом у меня все-таки нет. Сейчас без пяти минут двенадцать. Мы видим, что нам угрожает пожар третьей мировой войны. И вспыхнуть он может в Европе. Я пылаю гневом, изрыгаю проклятия, рыдаю, заламываю в отчаянье руки. Но защищаться все-таки не перестану. Просто не могу иначе. Я, может быть, иногда буду падать духом, уставать, чувствовать себя раздавленным. И все-таки, несмотря ни на что, я буду пытаться продолжать защищать себя. Самого себя. Свою жизнь. Я просто не могу доверить свою жизнь тем, «наверху».

Кроме того, я постараюсь найти друзей, думающих и чувствующих так же, как я. И мы вместе будем сопротивляться. В общем фронте сопротивления, полагаясь на взаимную солидарность и поддержку, мы испытаем удовлетворение, радость и уверенность. Мы увидим, что живем осмысленно, так как защищаемся. Защищаемся от опасности этой войны. И даже в том случае, если бы мы знали, что послезавтра мир все-таки рухнет и что мы чересчур слабы, чтобы предотвратить катастрофу, мы бы, надеюсь, все равно действовали по принципу того вюртембергского монаха, который утверждал, что даже если бы он достоверно знал, что послезавтра грядет светопреставление, то завтра он посадил бы в сад еще одно деревце. Этим мы и намерены заняться — посадить «деревце мира».

Перевел с немецкого
А. РЕПКО

I.

Вообще-то я рад, что родился после 1945 года. Но я вырос с мыслью о том, что мир не вечен и в любую минуту может окончить свое существование. Когда мне было десять лет, страна строила убежища от радиоактивных осадков, назревал Карибский кри-

зис¹, а мы с мамой делали рождественские покупки. Мама, естественно, спросила, что я хочу больше всего. Не знаю, что я тогда ответил, но помню,

¹ 1962 год. США установили военно-морскую блокаду Кубы и сконцентрировали в районе Карибского моря свои военно-морские силы. В ответ на это Советский Союз на Кубу перебросил свои ракеты. В результате кризиса мир избежал ядерной войны.

как подумал: «Какая разница! Все равно не доживем до рождества». Но рождество наступило, и я прогнал от себя мрачные мысли и радовался вместе с остальными. Все же уверенность, что мне не суждено стать взрослым, не покинула меня.

Моими настольными книгами были романы о ядерной катастрофе. Среди этой литературы были и научно-фантастические истории, допускавшие возможность продолжения жизни после ядерной войны. В них описывалась сгоревшая планета и ее обитатели, сброшенные в эпоху варварства. Еще были рассказы в картинках — комиксы — о приключениях катомных рыцарей, в картинках — пейзажи, похожие на лунные. Одни комиксы стремились напугать (и пугали), другие успокаивали. Но и те и другие утверждали, что ядерная война неизбежна, — согласитесь, ценное открытие для ребенка, слепо верящего книжкам, и всегда был персонаж, говоривший «О, если бы у человечества был здравый смысл!» Подразумевалось, что его нет и не будет.

Итак, я вырос с мыслью о неотвратимости ядерной кремации человечества. Этот факт во многом определил

мое детство, как, впрочем, всю тогдашнюю жизнь. Вряд ли создатели первой атомной бомбы предвидели, что начатая ими ядерная реакция сможет так затянуться и перерасти в угрозу полного истребления всего живого на земле.

Но в последующее десятилетие я и вся страна вздохнули с облегчением. Вплоть до семьдесят пятого года мы жили уверенностью: что бы ни случилось, как бы ни менялась международная обстановка, СССР и США будут сдерживать гонку вооружений и, наконец, остановят ее. В те годы подобная мысль не считалась крамольной, и мы свободно говорили о мире, справедливости, равенстве.

Но один инцидент чуть не перекрытил стрелки часов назад на целое десятилетие. Весной 1972 года Никсон минировал подходы к северовьетнамским портам, которыми пользовались гражданские суда СССР¹. В ту ночь я отправился спать не раздеваясь, не зная, проснусь ли опять. Когда же

утром я открыл глаза, а долго не мог этому поверить. Выяснилось, что до катастрофы не дошло благодаря выдержке Советского Союза.

Почему я столь подробно пересказываю столь личные «анекдоты»? Я знаю, что у многих подобные же воспоминания, возможно, у большинства сограждан, выросших вместе с Бомбой, как ее фамиллярно у нас называют. Это дает мне повод призвать соотечественников объединить наши усилия в массовом движении сторонников мира.

Но, боюсь, те же самые воспоминания могут сослужить и плохую службу. Я говорю о тех, кто уповает на наши стратегические доктрины и «уходит в сторону», уверяя свою судьбу военно-промышленному комплексу. Они пытаются жить как ни в чем не бывало. Действительно, возможно ли жить в вечном страхе за жизнь? Тем более что катастрофа — нечто расплывчатое, далекое, сон, мысль, запрятанная глубоко в тайники сознания. Тем более что военно-промышленный комплекс продолжает платить огромные, реальные деньги тем, кто на него работает, кто создает все новые средства массового уничтожения, а мы все продолжаем жить в тени от Бомбы. Так что же это? Мы потеряли способность правильно реагировать?

Одних страх перед будущим парализует, других заставляет бороться. Я не хочу показаться излишне пессимистичным (впрочем, почему бы и нет в подобном положении?), но наше движение вскрыет болезнь, поражающую всю американскую культуру и политику. Имя этой болезни — Бомба. Болезнь прогрессирует. Америке пора наконец проснуться, сказать себе правду.

II.

Забавно почти всю жизнь я прожила как бы и не в Америке, а против американской внешней политики, но чувствую себя типичной американкой: люблю джаз, кантри, фолк, автострады, прерии, космос...

Нашего брата легко распознать. Достаточно спросить: «Откуда ты?» Нормальный вопрос. В ответ всегда молчание. Я тренировалась говорить: «Флорида». Оттуда мои отец и мать. Там я родилась. Но выросла не там и не чувствую, что меня с ней что-то связывает. Обычно я молчу или собираюсь с силами и говорю: «Так, ниоткуда».

Я выросла на военных базах США, мой отец военный. Островки в центре Америки. Всегда часовые у ворот. Я

принцесса маленького королевства, живу — не ведаю, что там, за воротами.

Все базы похожи одна на другую. Думаю, это специально. Даже в прериях Оклахомы жилая секция всегда зеленая, трава аккуратно подстрижена, деревья — по струнке. Прекрасное место для игр. Вся база — огромная детская площадка: бегай, прыгай... Уже тогда я знала, что это не настоящая Америка.

Мы тоже ходили в школу. Солдатские нашивки, списанные «джипы» и сигналы вечерней зори. Меня забавлял ритуал с флагом. Где бы ты ни находилась в данный момент, ты обязана застыть и смотреть, как поднимают и опускают флаг.

У нас тоже были дисциплина и распорядок. Мы принадлежали армии. Как дети в бродячем цирке. Всех девочек готовили в жены военных, мальчиков — в «Вест Пойнт»¹. Отец был уверен, что я выйду за офицера. Мы принадлежали армии целыми семьями. Скажем, подросток попадает в историю (что часто случается с подростками) — отца понижают в звании или что-то в этом роде.

— «Итак, девочки,— говорил отец,— вам предстоит навестить ваших кузин. Бедняжки вынуждены жить на одном месте. Всю жизнь. Тоскливо, не правда ли? А наша жизнь так разнообразна», — казалось, отец извиняется перед нами. Но мы говорили: «Конечно, дэд», и действительно так считали. До колледжа мне и в голову не приходило, что можно думать иначе.

Отец служил в Бонне. Я училась во Франкфурте-на-Майне в школе для детей американских военных и сотрудников посольства. Там я познакомилась с мальчишкой, который всю жизнь прожил в Майами.

— Сколько раз ты переезжала? — спросил он.

— Четырнадцать, пятнадцать раз, — сказала я.

— Бедняжка, — сказал он.

— Сам бедняжка, — сказала я. — Всю жизнь прожить на одном месте!

Конечно, мое детство было несколько необычным. Но тогда я об этом не думала. Теперь я часто вспоминаю о нем. Так, в Калифорнии на автострате № 1 неподалеку от военной базы «Форт-Брагг» я слышу знакомый-знакомый звук. Я еще не знаю, что это, но меня охватывает волнение, почти паника. Потом я вспоминаю: артиллерийская стрельба. Как в детстве: бум, бум...

Первой песней, которую я спела, была артиллерийская песня. Мне было шесть лет. Мы жили в «Карлисл-Бэррэкс», штат Пенсильвания. Потом мы переехали в «Форт-Силли», штат Оклахома. Кругом прерии, высокие стены. Форт был как город: комендату-

¹ В это время США расширяли свою агрессию во Вьетнаме. — Примеч. ред.

Из книги Стадса Теркела «Американские мечты, потерянные и найденные». Нью-Йорк, 1980

¹ Военная академия в США — Здесь и далее примеч. ред.

ра, кинотеатр, кегельбан, конюшня, бассейн. Скорость автомобиля не больше пятнадцати миль в час. За превышение скорости отправляли за решетку. Потом дома. У всех подполковников были одинаковые дома. Дома полковников отличались от домов подполковников и ничем не отличались между собой. Трава на участках была той высоты, какой ей следовало быть, иначе приходило письмо от квартирмейстерской службы.

Я перешла в четвертый класс, когда отца послали в Корею¹. Потом в «Сэтердей нининг пост» я прочла про Корею: «Помните: ваших отцов и братьев, мужей и парней в любую минуту могут убить!» Бах, бах, бах. До сего момента я не подозревала, что отца могут убить. Зачем мне это говорят? Я не должна бы об этом знать. Я была в шоке...

Мне шестнадцать. Мир прекрасен. Я знаю: он не кончается стенами военных баз. Но пройдет еще много времени, прежде чем я пойму это окончательно.

Начало шестидесятых. «Форт-Брагг». Я работаю спасателем в офицерском бассейне. Мне девятнадцать лет. На базе готовят инструкторов для отправки во Вьетнам.

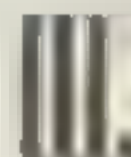
В бассейн приходил парень, у него только что закончился курс прыжков с парашютом. Их сбрасывали с большой высоты, в самый последний момент, почти у земли они раскрывали парашют. Он прошел курс по выживанию в джунглях, учил бирманский. Нетрудно догадаться, что его готовили к выброске где-нибудь над джунглями Бирмы. Я смотрела на него и думала:

они считают, что получили право диктовать другим жизнь и смерть, только потому, что научились прыгать с парашютом. Моим единственным оружием был смех. Я издевалась над ними. Я понимала: во всем виноват американский империализм. Но передо мной были живые люди, которые сознательно шли воевать. А это не одно и то же.

На одной из баз я училась с парнем, его звали Алекс. Он был самым способным в классе. Поступил в «Вест Пойнт», учился на вьетнамском отделении. Его убили во Вьетнаме. Незадолго до смерти Алекс написал в «Нью-Йорк таймс мэгэзину»: он верит, что война полностью оправдана, и гибель американских парней и, возможно, его собственная смерть не могут служить доказательством обратного. Он сам себе написал некролог. Но меня поразило не Алекс — издатель, ждавший, когда Алекса действительно убьют, чтобы опубликовать это письмо. В письме говорилось о жизни нашего брата — детей военных. И получалось именно этой жизни Алекс обязан, что пошел воевать и был убит. Он считал, что исполняет свой долг перед семьей. В некотором роде — это действительно семья, большая дружная семья: традиции, распорядок, общность интересов, цели... Но цели — фальшивка,

несправедливые цели. Я не захотела их принять.

В конечном итоге я пришла к тому, к чему обычно приходят подобные мне: я возненавидела войну и эту «большую семью», воспитывающую таких, как Алекс.

Для капитана Рональда Кольмана и его подчиненных то был длинный, скучный день, похожий на прочие будни 18-го командного пункта 390-й ракетной эскадрильи. Бункер управления ядерной ракеты «Титан-2» глубоко под землей в аризонской прерии близ Таксона, США. Отделение Кольмана выстроилось вдоль стенки приборов. Белые воротнички, отутюженная форма.

— Вы, наверное, хотели бы увидеть, как осуществляется запуск? — говорит Кольман.

Он садится за пульт, открывает толстую папку и зачитывает список предстартовых команд. Впрочем, видно, что он знает их наизусть и способен пересказать в любом порядке.

— Готов, — наконец говорит Коль-

¹ Имеется в виду война 1951—1953 годов, развязанная при поддержке США марионеточным южнокорейским режимом против Корейской Народно-Демократической Республики. В этой войне участвовали регулярные силы США.

ман. За соседним пультом вторит помощник: «Готов». Оба делают вид, что поворачивают ключи.— ...Пять, четыре, три, два...— отсчитывает Кольман.

Зажигается красная лампочка, и в воображении посетителей стопятидесятилетняя ракета «Титан-2» вырывается из подземной шахты и несется к далекой цели. Все бомбы, сброшенные за вторую мировую войну, произвели бы меньший взрыв.

Перед тем как посетители покинули аппаратную, Кольман сказал, сославшись на устав:

— Я должен избегать соблазна повернуть этот ключ. Но обязан быть готовым сделать это по приказу.

Он умолчал о главном: лично у него этой «готовности» уже не было. Капитан Кольман собирался подать в отставку.

...Рональд Кольман и авиация, казалось, были созданы друг для друга. Ему двадцать один год. Он бросает колледж и поступает на военную службу. Министерство обороны возглавляет Роберт Макнамара. Для армии США грядут большие перемены, особенно для военно-воздушных сил. Пентагон набирает людей, способных в математике. Начинается эра компьютеров. На военно-воздушной базе «Лэк-

ленд», штат Техас, Кольман изучает азы электронной связи и шифровального дела. Потом перевод на военно-воздушную базу «Маунтин-Хоум», штат Айдахо. Университет в Мэдисоне, штат Висконсин. Военно-воздушный технологический институт при базе «Урайт-Петерсон», штат Огайо.

Рональд Кольман занимается любимым делом: математический анализ, моделирование. Он работает на самых совершенных компьютерах.

— Работа была как забава,— говорит Кольман,— как шахматы. Люблю, когда много проблем.

Недостатка в проблемах не было. Однажды к Кольману обратились два инженера, проводившие испытания снаряда с лучевым управлением. Снаряд никак не попадал в цель. Инженеры предполагали, что ошибка в программе компьютера.

— Я остался в офисе и работал всю ночь,— вспоминает Кольман.— На следующий день были испытания. На этот раз они прошли удачно.

Тогда шла война во Вьетнаме. Возможно, для нее и предназначалось это оружие.

— Я не думал об этом... с человеческих позиций. Возникла инженерная проблема — я нашел решение,— говорит Кольман.

В 1971 году Кольмана переводят на военно-воздушную базу «Дэвид-Маунтин». Он садится за пульт управления ядерных ракет. На военных учениях подразделение Кольмана получает высшую оценку командования.

Два с половиной года спустя Кольмана переводят на военно-воздушную базу «Оффат», Кольман допущен в святая святых ВВС США. Он обладает всеми необходимыми качествами для службы в «Оффате»: живость ума и способность не видеть конечного результата своей деятельности... с человеческих позиций.

База «Оффат» расположена в излучине реки Миссури на юго-востоке штата Небраска. Это сердце Стратегического авиационного командования — «самой мощной военной единицы планеты». Отсюда контролируется большая часть ядерного потенциала США: пятьдесят ракетных баз, разбросанных по всему свету. Именно здесь базируется командный самолет «Лукнинг гласс» («Зеркало»). В случае уничтожения подземного центра управления «Лукнинг гласс» возьмет на себя командование ракетными силами США. Здесь же находится Объединенный штаб планирования стратегических целей, где и работает Кольман.

— Самая лучшая работа в моей жизни,— говорит Кольман.— О большем я не мог и мечтать.

Штаб занимается расчетами по соткам тысячам потенциальных целей: от отдельных ангаров в Сибири до целых городов, таких, как Москва и Ленинград.

— Все время новые головоломки,— говорит Кольман.— Как раз то, чем я люблю заниматься: зарыться в книги, исследовать, рассчитывать.

Сомнения появились еще в «Урайт-Петерсон». В бункере «Дэвид-Маунтин» за пультом ядерной ракеты Кольман читает антивоенные книги. Он уже не уверен, что сможет повернуть ключ, если будет приказ.

— Если бы ракета была направлена на город,— говорит Кольман,— я не стал бы выполнять приказ. При других обстоятельствах...

О своих сомнениях Кольман не говорил никому.

— Если бы об этом узнали,— говорит Кольман,— меня бы тотчас уволили.

Путь сомнений был долгим: два шага вперед и всегда шаг назад. Кольман слишком любил свою работу. До некоторого времени его поддерживала мысль, что своей деятельностью он помогает США противостоять ядерной угрозе со стороны Советского Союза. В «Оффате» он разуверился и в этом. Кольман ловил себя на том, что, подобно другим сотрудникам отдела, он становится циником. Именно в это время появляется доктрина «ограниченной» ядерной войны. Стратегическому авиационному командованию отводится роль силы, которая «поможет президенту с успехом и без особых потерь выйти из третьей мировой войны».

— Не помню, чтобы кто-нибудь из нас верил в эту чушь,— говорит Кольман.

Скептически Кольман отнесся и к созданию ненужных, по его мнению, бомбардировщиков B-1 и ракет MX.

— Я предпринял собственное исследование. Расчеты полностью подтвердили мое мнение. Я пошел к шефу. Шеф хмыкнул в ответ, вздохнул, на этом и кончилось.

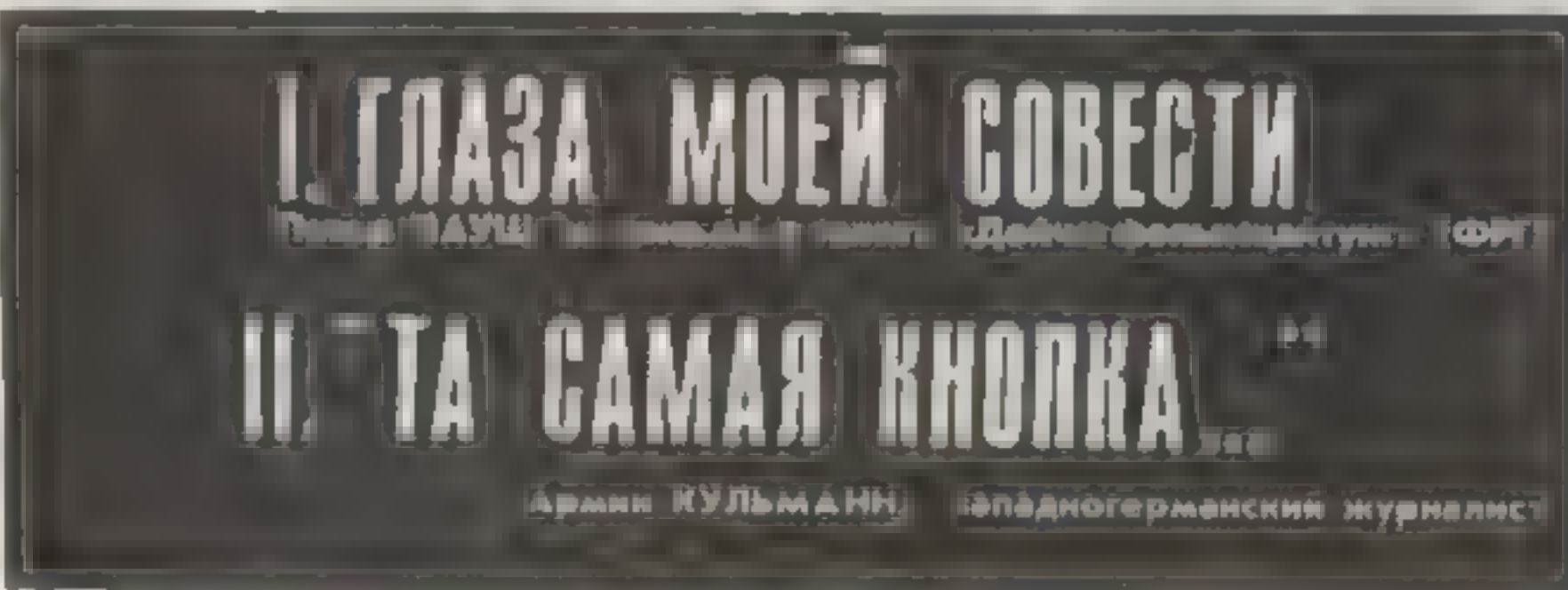
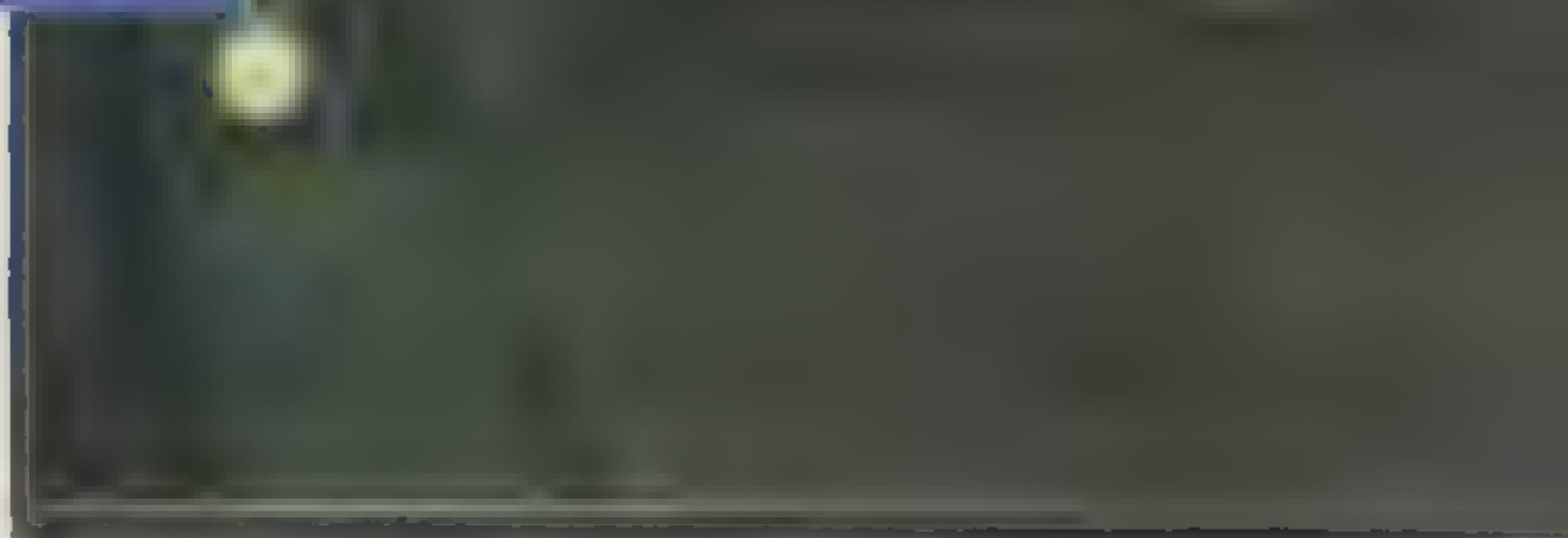
Кольман вспомнил любимую поговорку шефа. Дэвид Стратегического авиационного командования гласит. «Наша профессия — мир». «Наша специальность — массовое уничтожение»,— добавлял шеф.

Кольман повесил над своим столом плакат пятидесятых годов, иллюстрирующий правила безопасности на случай ядерного взрыва. Правила заканчивались припиской Кольмана: «Теперь ложись и попрощайся с жизнью».

— Оставалось сделать последний шаг — подать в отставку. Я сделал этот шаг, сказав себе: «Участвовать в массовом уничтожении людей бесчеловечно».

— Последние месяцы были agonией,— вспоминает жена Кольмана Дженина.— Мы бесконечно обсуждали одно и то же: найдет ли Рон работу, что станет с детьми? Но мы знали, что он все равно уйдет из военной авиации.

Перевел с английского
В. СМОЛДОН

Где-то под Витебском погиб в первую мировую мой дед. Еще двое наших родственников погибли во второй мировой войне: один на Восточном фронте, другой на Западном

Бундесвер возрождался. Отец подумывал было вернуться на подводную лодку. Но его срок уже вышел. «Мальчик, ну а что ты о себе думаешь? — спрашивал он меня; тогда я еще не носил очков, и все зубы были целы. — Ты можешь стать морским офицером. Ведь ты учишься в средней школе». Я хотел стать морским офицером. Я мало что знал о национал-социализме. Вторая мировая война состояла для меня из серии фотографий битв и фронтовых эпизодов. О зверствах, ужасе беспомощных людей на захваченных территориях не знал ничего.

«Западной Германии нужна сильная армия только для того, чтобы не допустить новой войны. В бундесвере

столько демократии, сколько нет ни в одной другой армии мира. Он состоит из мирных граждан, одетых в военную форму, и в нем нет милитаристов». Я верил во все, чему меня учили. Я верил, что Западная Германия должна быть отлично вооружена. Зная, что после окончания школы меня все равно призовут, я решил пойти служить добровольно. Я хотел пойти не в пехоту, а в санитарную часть, где можно было бы помогать больным и раненым. Вопреки ожиданиям я был распределен в танковые войска. Я был «позором» всего батальона — по вечерам читал Платона — и терпел от «мирных граждан в военной форме» придирки и издевательства, от которых до сих пор остались телесные и душевные шрамы. Бывали такие выходы на вахту, когда я вынимал пистолет из кобуры и приставлял его к виску. Часто самоубийство или побег за границу казались мне единственным спасением. Психолог,

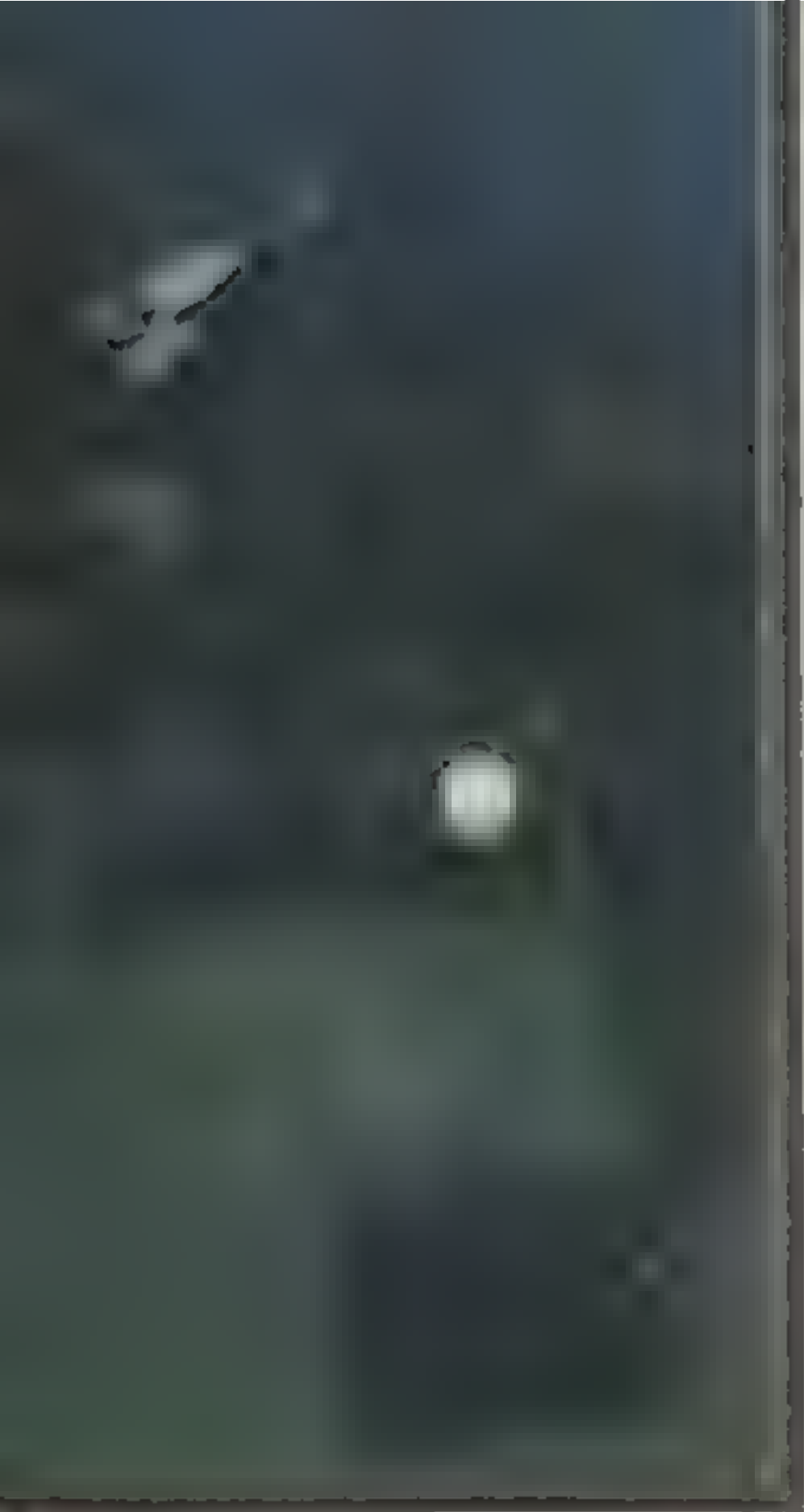
На свет я появился 9 сентября 1944 года во Фленсбурге перед самым началом бомбежки. Мою мать вместе со мной перетащили в бомбоубежище. Воздух там был таким затхлым, что я получил заболевание глаз, которое ввиду отсутствия медикаментов чуть было не привело к слепоте.

После войны мы жили в доме, полуразрушенном бомбами и кишевшем крысами и мышами. Отец освоил профессию жестянщика, повышал квалификацию, стал наконец мастером, но чаще исполнял приказания, чем отдавал их. Война осталась в его воспоминаниях самым светлым временем в жизни. Он был простым рабочим, но во время войны продвинулся: «Если бы война продлилась еще полгодика, я стал бы офицером». Не имея ни среднего образования, ни высокой профессиональной квалификации для мирного времени, он преуспел на службе в подводном флоте и даже получил орден, хранящийся ныне в семейной шкатулке.

Мое отношение к войне было с самого начала predetermined отцом, его шкатулкой с орденом и альбомом с картинками «Страницы славы немецкой истории». Доставать из шкатулки портупею, форменные пуговицы, петлицы и орден было особым и редко позволяемым удовольствием. Когда это разрешалось, я как бы становился выше в собственных глазах. Мне доверяли прикоснуться к сокровищам.

История первой мировой войны заполняла большинство «страниц славы». Я с восхищением смотрел на немецкого солдата, который на африканском песке делился водой из фляги со своим смертельно раненым врагом.

О первой мировой войне и о Гитлере дома я никогда не слышал дурного слова. Наоборот, у нас в семье были герои

изучавший мои ответы на тесты, помог добиться, чтобы меня перевели в санитарный батальон, где я и оставался до конца службы.

Армию я покинул с облегчением, но по-прежнему оставался уверен, что бундесвер нужен для предотвращения новой войны. Я продолжал верить, что атомной войны никогда не будет, потому что просто не может быть. В моем сознании она не существовала ни как реальная возможность, ни как конкретная форма человеческой жестокости. Я был слеп и туп по-прежнему.

В 1966 году я с головой ушел в учебу — история, искусство, археология, философия. Мое представление о войне и ее угрозе стало постепенно меняться, прежде всего под влиянием событий в мире и отчасти благодаря чтению.

Я еще недостаточно повзрослел для того, чтобы ответить на все мучившие меня вопросы. Люди, против которых мне пришлось бы воевать в настоящей войне, были для меня все еще лишь абстрактным «вооруженным врагом», который «напал первым». «Когда на нас нападают, надо отвечать», — говорил всегда отец. Я все еще думал так, как приучил меня он. Только очень постепенно «вооруженный враг, нападавший первым», превращался в живых, конкретных людей, в жертв, которые и не думали нападать первыми.

Вьетнам открыл мне глаза на то, как выглядит война. Я увидел горящих стариков, напалмовые факелы, которые только что были людьми; душевно-

больных, которые только тогда и вздыхают с облегчением, когда по рукоятку вгонят нож в живот обреченного, которые и оживают только тогда, когда в танке (на этой игрушке я и служил) гоняют живого человека по джунглям, получают истинное наслаждение, применяя пытки.

Где он, этот солдат, поделившийся с врагом последним глотком воды? Как поблекли отцовские награды... Я увидел, как ведут себя солдаты, как они, взвинтившись наркотиками, подаются в джунгли, чтобы убивать; как иные из них бегут за границу, чтобы не надо было этого делать и чтобы уцелеть самим; наконец, я видел ослепших политиков, умудрявшихся не называть зверскую войну своим именем: это они приказывали бомбить сильнее, чем во вторую мировую войну, приказывали затоплять и прочесывать тропические леса, мучить и истреблять, уничтожать в десять раз больше мирных граждан, чем погибало солдат, но умудрялись называть все это не войной, а «поддержкой дружественного правительства» или «вспомогательной деятельностью».

Потрясенный, я признаю, что все это — все, что я тогда узнал, — еще не сделало меня настоящим противником вооружений. Я уже не был туп, но все еще был слеп. Я имею в виду свою убежденность в том, что атомной войны быть не может, что моя страна никогда не примет участия в такой войне. То, что и в нашей стране могут найтись люди, способные на зверства, какие творились во Вьетнаме, мне и в голову не приходило. Не хватало еще одного потрясения, чтобы я осознал, на какую жестокость способны мои соотечественники.

Летом 1978 года я посетил Освенцим. Я увидел улицы лагеря, бараки, горы из зубных протезов, матрасы из женских волос, абажуры из человеческой кожи. Я увидел фотографии людей — бесконечные ряды обреченных на голодную смерть. Я увидел жизнь, еще горящую в их глазах, уже знающих о близкой смерти. Я был бы счастлив умереть, чтобы искупить муки хотя бы одного из них..

Я прозрел.

Перевела с немецкого
И. ПОРУДОМИНСКАЯ

II.

«Хотят ли русские войны?» — звучит вопрос в песне Евгения Евтушенко. Так что — неужели мюнхенский рабочий вправду дума-

Правительство США лицемерно пыталось представить себя «другом» населения Южного Вьетнама якобы пришедшим ему на помощь для отражения «агрессии» с севера. — Причеч ред

ет, что русские хотят войны? А домохозяйка из Аугсбурга, а крестьянин из Аллгой? Спросишь прямо, вряд ли услышишь «да». Но не услышишь и «нет». Нередко отвечают: «Если мы не вооружимся, русские могут явиться сюда». Попытки напомнить, что в 1914, 1939 и в 1941 годах немецкие войска первыми перешли восточные границы, обречены на неудачу: «О, тогда... тогда были другие времена».

Нынешний мир в Европе воспринимается многими как нечто само собой разумеющееся, война как что-то абсолютно невероятное. В общем-то, все за мир. Но попробуй скажи: для мира необходимо разоружиться. Тут и начинается разногласие. Генералы бундсвера хотят добиться мира посредством «кустарения». Партия христианских демократов — через политику силы. В обывателях чувствуется принципиальное недоверие к «Востоку», то есть к Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Когда человеку постоянно твердят: «На тебя направлены русские ракеты с атомными боеголовками», то само слово «русские» начинает казаться угрожающим.

Как сломать механизм страха и недоверия? Что может сделать для мира каждый из нас лично, сегодня, там, где он живет? Мне ясно: раз Штраус боится «улицы», мы должны выйти на улицу. Раз милитаристы из НАТО вершат свою политику за закрытыми дверями, простые люди должны противопоставить им свою линию.

Сегодня наша «улица» — это пешеходная зона Кемптен в Мюнхене. Прекрасный послеполуденный час. Местные жители и туристы гуляют, ходят по магазинам, пьют кофе за столиками на тротуарах. Любой из них — тот самый «маленький человек», до которого мы хотим добраться. Обязаны добраться. Чтобы он хоть что-то сделал для мира. Нашего общего мира.

Машина остановилась, мы выгружаемся. Прохожие останавливаются, смотрят. Двое парней из нашей мюнхенской группы борцов за мир и разоружение выносят из машины большие щиты. Сооружается металлическая стена, крепятся щиты. Спереди они образуют карту Баварии, сзади паутина проводов. Не перепутать бы! Пробное включение. Загораются световые сигналы, пестрые символы, надо всем этим горит надпись: «Пороховая бочка — Южная Бавария».

Пока мы занимались монтажом, вокруг стенда столпилось человек сорок. Они хотят все хорошенько рассмотреть. Один из них указывает на светящуюся точку и говорит: «А вот тут я живу. Оказывается, у нас тоже что-то размещено». Что это такое? И что оно означает лично для того, кто тут живет? Именно на этот вопрос мы и хотим от-

«Дорогие сограждане! — говорит оратор в мегафон. — Сейчас мы объясним, почему наш информационный стенд называется «Пороховая бочка — Южная Бавария...»

Договорить ему не удается. Подскакивает какой-то человек и хочет опрокинуть стенд. Кричит: «Все это вранье! Клевета! Убирайтесь на свою Красную площадь!» Находятся такие, кто хлопает в ладоши. Но большинство все же отказывается видеть связь между «Красной площадью» и «Южной Баварией». Раздаются возгласы: «Дайте им высказаться! У нас все-таки демократия!»

Вперед протискивается какая-то женщина, нажимает на кнопку: «Я очень тороплюсь. Что это тут за ракеты? Я тут живу». Да, когда видишь ракеты у дверей своего дома, кидает в дрожь. Поэтому: «Дайте им высказаться». На всякий случай.

Теперь уже не менее двухсот прохожих стоят полукругом перед стендом. Нажимают кнопки. Зажигаются группы символов. Мы даем пояснения. Световые сигналы позволяют увидеть «историческую добрую Баварию» в новом свете. Вместо живописных гор — бомбы и бомбардировщики.

Проходит полчаса. Толпа не рассасывается. Задние пробираются вперед, чтобы рассмотреть все в деталях. Немецкие и американские казармы, военно-учебные лагеря, полигоны, военные аэродромы со взлетно-посадочными полосами для бомбардировщиков, высшие школы бундсвера, исследовательские центры по вооружению и военные заводы, радиостанции ЦРУ «Свободная Европа» и «Свобода», центры тайных служб, военной разведки и контрразведки ФРГ и все те же ракеты с атомными боеголовками.

«Я и сам работаю на военном объекте, вот здесь, — человек показывает на карте. — Вот. И стало быть, вооружение обеспечивает меня работой! И не только меня».

В самом деле? Посмотрим. За последние десять лет правительство ФРГ израсходовало на армию и вооружение 485 миллиардов марок, а безработных становится все больше и больше. Людей и сейчас увольняют. И это происходит везде, за исключением армии и военных заводов. Какую продукцию

выпускают военные заводы в Баварии? Танки, бомбардировщики и ракеты. Разве рабочие и инженеры этих заводов не могли бы производить действительно нужные вещи? Тот же транспорт?

«Объясните мне, — говорит молодая женщина. — Вот здесь, у Ландсберга, есть ракеты, это точно. Но откуда вам известно, что у них атомные боеголовки?»

В Баварской Швабии уже сейчас размещены американские ракеты «Першинг-1». Здесь же аэродромы, с которых могут стартовать атомные бомбардировщики. А там, где есть атомные бомбардировщики, должны неподалеку быть и атомные боеприпасы.

Америка исходит из возможности «ограниченной ядерной войны». Интересно получается: раньше считалось,

что колоссальная разрушительная сила ядерного оружия сама по себе исключает возможность его применения. Теперь же, когда по решению НАТО у нас собираются разместить еще более опасные ракеты — «Першинг-2» и «крылатые», оказывается, что ядерная война вполне допустима. Просто ее следует «ограничить». Ограничить Европой, то есть нашей страной?

Можно жить, не думая о бомбах. Можно вытеснить из своего сознания эту опасность. Чем более расплывчатыми сведениями располагаешь, тем легче это сделать. Но вот прямо перед нами стоят двое и нажимают на одну и ту же кнопку: «Значит, тут стоят ракеты, а тут аэродром?» — «Да». — «А среди всего этого живем мы». — «И я тоже».

В Кройт-Альме никто не переkre-

стится, пока гром гремит где-то во Франкфурте. Но если удар разразится над их собственной крышей, тогда уж: «Господи, спаси и помилуй!» Наши политики стараются представить опасность очень далекой. Вопрос о бомбах и ракетах остается без всякого ответа, до сих пор у нас нет никаких официальных сведений о том, где будут расположены бункеры для ракет «Першинг-2» и «крылатых» ракет.

А на случай, если что-то просочится наружу, есть успокоительные пилюли. В Фюрстенфельдбруке население поговаривает о местной авиабазе. Дескать, эти самолеты не пустые летают — на них и бомбы, и ракеты, и как бы чего не вышло. Но именно здесь разные фирмы предлагают населению комплекты противоатомных бункеров и всевозможные проекты бомбоубе-

жищ. А партия ХСС выступает с лекциями по гражданской обороне, в которых людям втолковывается, что, мол, даже и без всякой защиты можно остаться в живых, если находишься в шести километрах от места ядерного взрыва. При благоприятном ветре, разумеется. Но люди все-таки не хотят полагаться на ветер. Во всяком случае, увидев наш стенд.

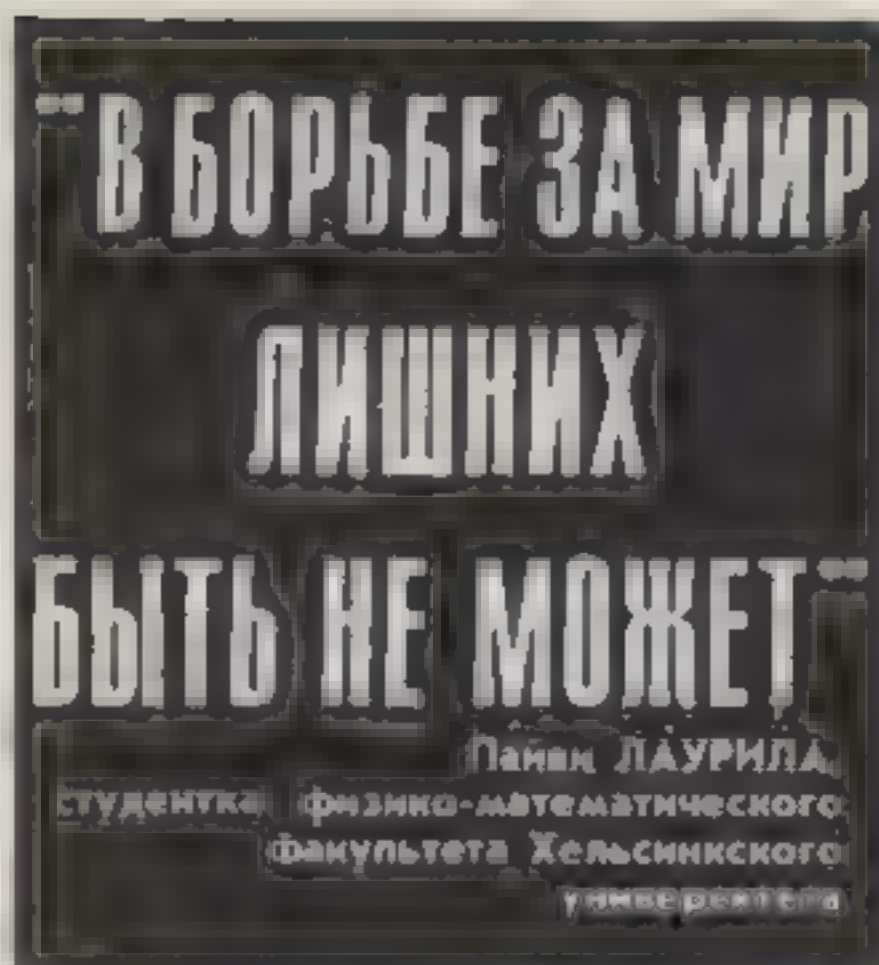
«Повторите-ка еще разок, сколько времени летит новая ракета? За пять минут «Першинг-2» долетит от Ландсберга до Москвы. Но и от Москвы до Ландсберга... Проклятье! Тогда они тоже начнут палить! Ладно бы еще «по Европе», но уж по Ландсбергу!.. Советы заявили ясно и недвусмысленно: они ударят туда, откуда было произведено нападение...»

«Да кто вам сказал, что мы нападём на русских? От Штрауса, конечно, можно всего ожидать, но другие? Вы думаете, другие на это пойдут?» Разговор переходит к политике НАТО: влияние американцев в этом блоке, подчинение ФРГ интересам США. Американцы хотят сделать из нашей страны защитный пулеуловитель. «Пулеуловитель»? Уж скорее «ракетоуловитель». Время полета новой ракеты всего пять минут вместо двадцати пяти у межконтинентальной. А вдруг американская система предупреждения опять не сработает и включит ложный сигнал «советской атаки»? При времени полета в пять минут успеют ли найти неисправность в системе или использовать прямой телефон между Вашингтоном и Москвой? Нажмут на «ту самую» кнопку и отправят нас вместе с этими ракетами под нашу дверь на тот свет. Все-таки это ракетное решение НАТО как злой рок... Мы должны от него отказаться.

Мы, конечно, не воображаем, будто переделали наших слушателей. Но, разбирая стенд, мы знали наверняка: наша работа не пропала даром. Тысячи людей перебивали за последние месяцы перед нашим стендом. Они получили ценнейшую информацию. В виде документов и неопровержимых фактов, написанную черным по белому. Мы продали сотни экземпляров брошюры «Пороховая бочка». Аппетит приходит во время еды: после того как мы заставили прохожих слушать и смотреть, вынудили их разговаривать между собой — их, не samozваных экспертов, а обыкновенных рабочих, солдат, домохозяек, крестьян, бизнесменов, пасторов и молодежь, — им захотелось основательнее разобраться в ситуации.

Наша «Пороховая бочка» разъезжает по Баварии. Нам помогают профсоюзные деятели и женские комитеты, группы борцов за мир и молодежные организации, католики и евангелисты и многие другие. Они не хотят взлететь на воздух вместе с пороховой бочкой. Они хотят вывернуть запал из гигантского взрывного устройства.

Перевела с немецкого
Г. ЛЕОНОВА

-3 ачем тебе эта демонстрация? Лучше сидела бы да занималась.

(Это мой отец.)

— Моя приятельница по обществу, — отвечаю, — говорит: «Лучше пойдем в дискотеку, с таким мальчиком познакомлю!»

— Она права. Устрой свою личную жизнь, опыта поднаберись, а уж тогда ходи сколько угодно на свои демонстрации. Будашь хоть знать, за что воюешь.

— Папа, там будет тридцать тысяч человек, и с опытом и без опыта...

— Тем более без тебя обойдутся. Не будь названой. Пойдешь ты, именно ты, на эту демонстрацию или не пойдешь — что изменится?

Собственно, чего рассуждать, когда можно сослаться на конкретный пример Голландии. Вместо того чтобы размышлять, на что лучше тратить личное время — на участие в общественном движении или на глубокомысленное выжидание, — люди действовали. И заставили правительство осенью 1981 года опять, уже во второй раз, хотя бы отложить на неопределенный срок решение вопроса о размещении в Голландии новых американских ракет. А ведь эта страна состоит в НАТО. Вот чего можно добиться, если не отсиживаться по домам. В таком деле, как борьба за мир, лишних участников просто не может быть.

Недавно я стояла на тротуаре, а по улице шла демонстрация. Я ждала своей группы, чтобы присоединиться к ней. Молодой полицейский, следивший, чтобы демонстранты и автомобили не мешали друг другу, обернулся ко мне и сказал: «А вы чего там стоите, идите вместе со всеми». И других пешеходов подбадривал: «Давайте, давайте, чего смотрите, становитесь в колонну». Интересно, подумала я, его тоже допекают за «наивность» сослуживцы и начальство? Если так, то он молодец.

Тут появилась группа наших студентов, и я пошла с ними. Кого только не было в этой демонстрации! У нас много партий. Но на этот раз политические разногласия были оставлены в стороне.

Это было действие в защиту мира, единое и согласованное действие. Хотя сама я ни в какой политической организации не состою, мне это единодушие в главном сейчас вопросе — о мире — особенно запомнилось и понравилось.

Знаете, кто в последний год подтолкнул к активным действиям антивоенное движение у нас в Финляндии и в других странах Западной Европы? Президент США. Когда я читаю его высказывания о допустимости ядерной войны, ограниченной Европой, или узнаю о его решении начать производство нейтронной бомбы и других чудовищных новых видов оружия, меня охватывает страх. В такие минуты я действительно боюсь, что война может вот-вот разразиться, и тогда все пропало. Надо что-то делать прямо сейчас, не откладывая, ну хоть что-то, и чтобы каждому.

Наверное, похожие мысли приходят в голову многим людям. Их не надо долго уговаривать поработать в пользу мира — распространить антивоенную листовку или брошюру, пойти на демонстрацию или собрать подписи под воззванием к правительству. Поэтому так широко развернулась борьба за мир в последние год-полтора. Много финнов участвовало в международном «Марше мира-81»¹. Я тоже собиралась пройти от Копенгагена до Парижа, но не смогла — заболела. Наша молодежь провела собственный поход за мир — на велосипедах от Хельсинки через Швецию и до норвежского города Трёндаг, где американцы собрались устроить военный склад на случай будущей переброски войск из США в Норвегию.

В Финляндии очень популярна идея превратить Север Европы в безъядерную зону, выдвинутая еще в 1963 году нашим бывшим президентом Урхо Кекконеном. Летом 1981 года представители финских и советских молодежных организаций обсуждали этот вопрос на одном из семинаров в рамках III Фестиваля дружбы молодежи СССР и Финляндии. Они договорились о совместных действиях в пользу создания такой зоны.

Сейчас люди, которых никогда не интересовали вопросы международной политики, заслушивают в сообщения, что еще заявил Белый дом, что по этому поводу написала «Правда»? Когда мне говорят, что финнам нечего тревожиться, ведь Финляндия — нейтральная страна, я не чувствую успокоения. Радиация от ядерного взрыва не считается с государственными границами. Я изучаю физику и понимаю, что такое ядерная бомба.

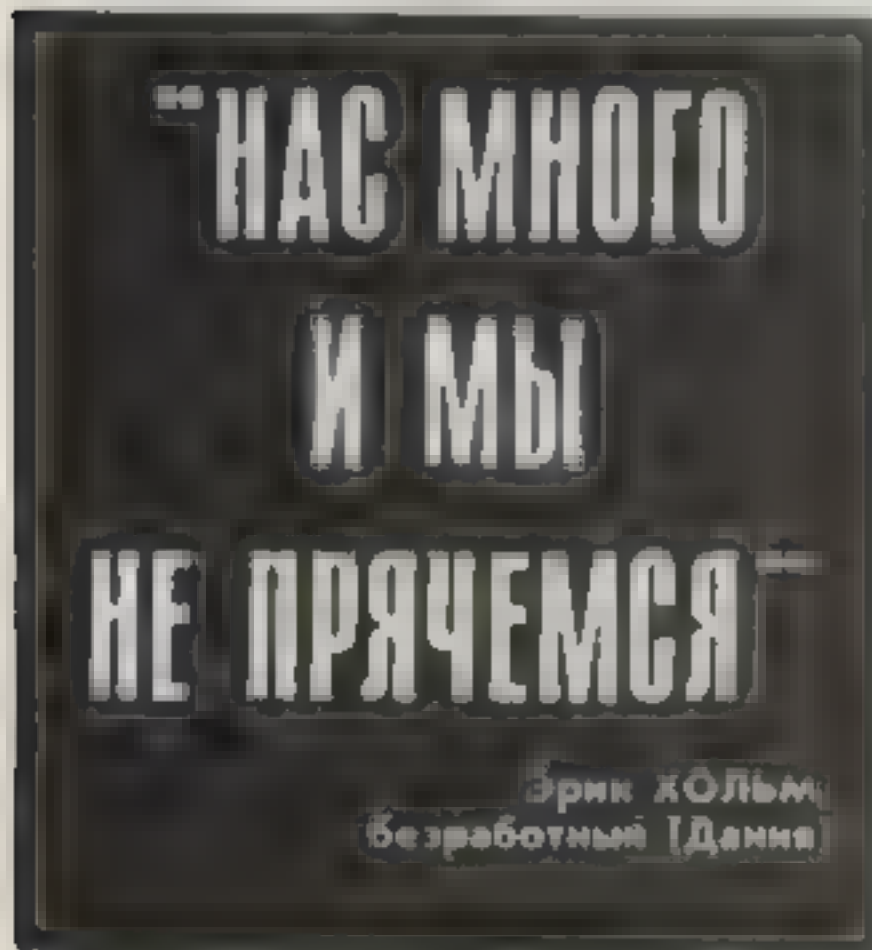
Конечно, войны бывают разные. Например, при всем моем отвращении к войне, при всем том, что я только что сказала и в чем остаюсь убеждена, могу ли я корить сальвадорских патриотов за ту войну, которую они ведут против реакционного режима? Напротив, я

¹ «Ровесник» писал о нем в № 10 за 1981 год. — Примеч. ред

восхищаюсь их борьбой, в которой они проявляют отвагу, самоотверженность, стойкость. Если бы США не снабжали хунту оружием и деньгами, не было бы пролито столько крови. Это другая война — сальвадорцы воюют за возможность жить так, как они хотят. Это их святое право — свергнуть угнетателей, и никто не должен вмешиваться в их дела.

Таким образом, я не пацифистка, отвергающая любую войну, даже справедливую, освободительную. Я только хочу сказать, что, по моему глубокому убеждению, для человека естественно состояние мира, а не войны. Сейчас кого ни спроси — все за мир: и генералы и политики. Кто же скажет, что он против? Поэтому надо судить по делам.

Мне кажется, что в Советском Союзе юноши и девушки думают так же. Я видела телевизионный репортаж, присланный финскими корреспондентами из Москвы. Интервьюировали молодых людей. Все они говорили, что главное сейчас — сохранить мир. Это важно. Я рада, что у молодых финнов и их советских сверстников общее желание — укреплять мир.

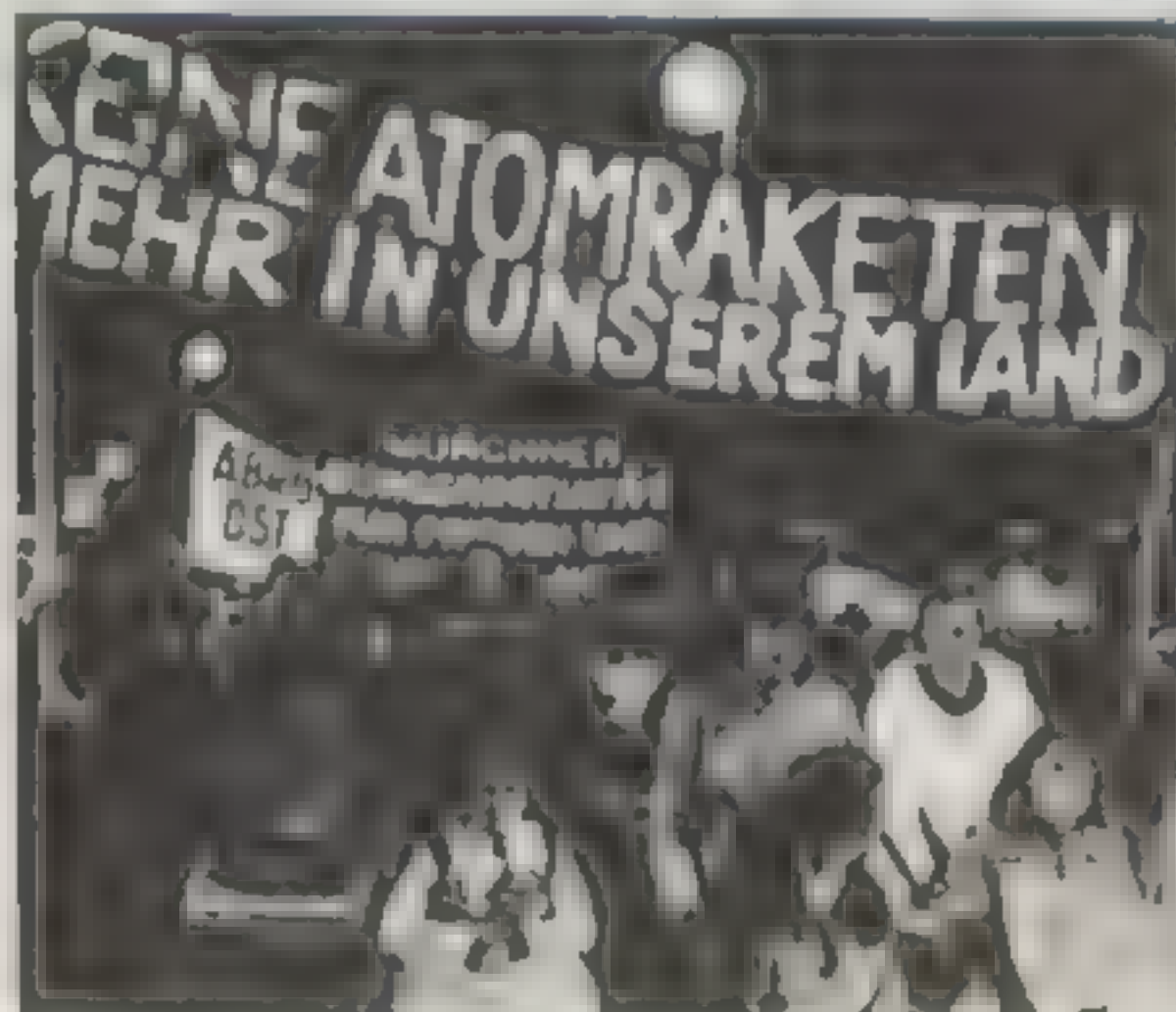

В свое время я поверил лозунгу: «Социальное равенство через образование». С немозможными трудностями, влезши в долги, я, тогда простой рабочий-бетонщик, стал учиться в университете. Работу пришлось бросить. Вся надежда была на банковские ссуды. Наконец в 1976 году я получил место учителя физики в школе и начал выплачивать задолженность банку. Но она продолжала расти из-за процентов. Мои взносы не могли остановить этот рост. А 1 августа 1981 года я был уволен «по сокращению штатов». Оказывается, в Дании учителей больше, чем надо, и в ближайшие пятьдесят лет, по прогнозам газеты «Берлингскетиденде», спрос на них не увеличится. Другая газета, «Политикен», предсказывает, что к 1990 году в Дании будет 25 тысяч безработных учителей.

Я оказался в отчаянном положении. Долг банку достиг 141 тысячи крон и продолжает расти. Мои обращения в министерство просвещения с просьбой

WE DON'T WANT TO BE NUCLEAR HOSTAGES
OF US IMPERIALISM MOUNTING HOSTILITIES
OF EUROPEAN YOUTH AND PEOPLE

об отсрочке платежей остаются без последствий. Живу как в заколдованном кругу. Хватаюсь за случайную поденную работу то шофером, то гидом на пароме, то кем-нибудь еще, чтобы хоть кусок хлеба иметь. Времени на серьезные поиски постоянного места совсем не остается. Да и какую искать работу — может, опять бетонщика.

При этом я читаю в газетах: правительство закупило в США новую партию оружия. На протяжении ряда лет стало видна закономерность: как только датские рабочие добиваются повышения зарплаты, США тут как тут с предложением закупить оружие. Правительство не смеет отказаться — партнерство по НАТО обязывает, — и готово, это приобретение съедает (через механизм инфляции) всю надбавку к зарплате. Пока Дания в НАТО, из кризиса нам не выбраться. Но из лагеря буржуазии доносится другой совет: «От кризиса нас спасет только война». И это говорится совершенно всерьез. Сумасшествие!

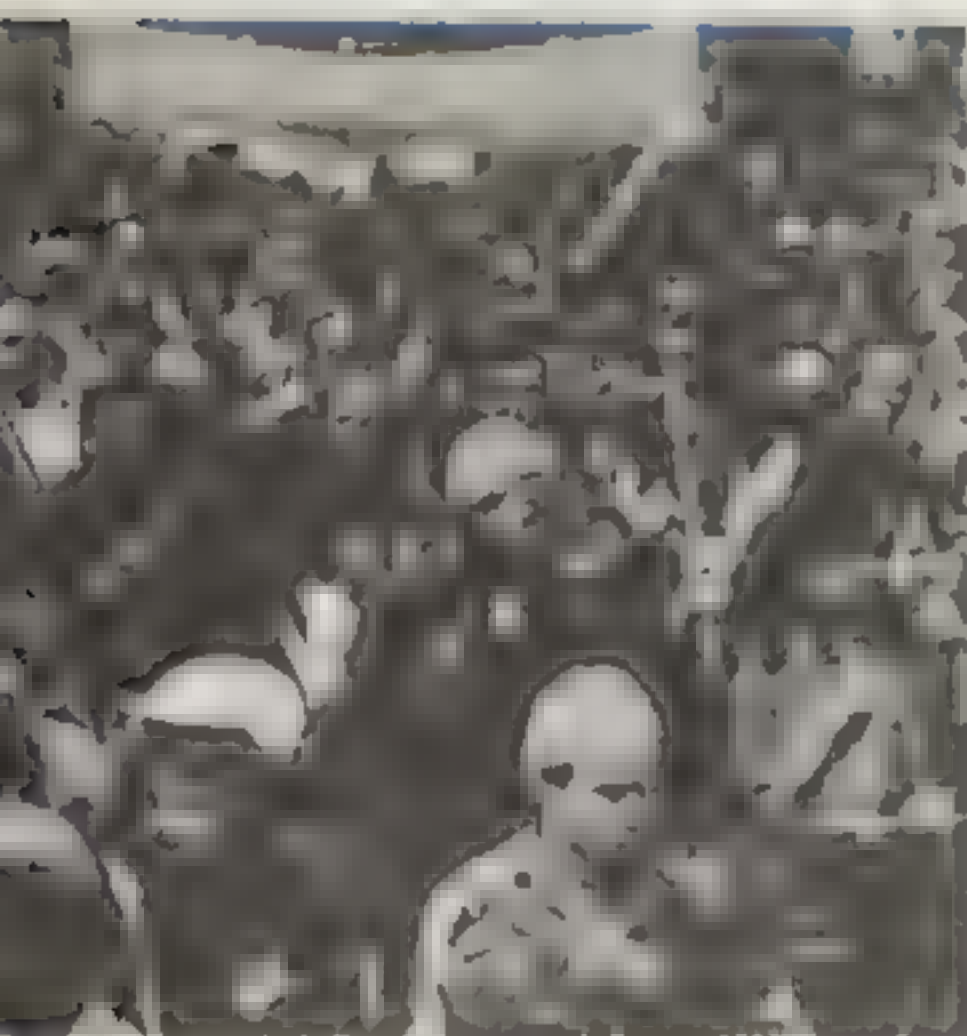
Моему брату пришла повестка: призыв во вспомогательные войска страны-хозяйки. Речь шла об осенних маневрах НАТО 1981 года на территории Дании. «Страна-хозяйка» принимала «гостей» из США, Англии и ФРГ. В повестке несколько раз упоминался термин «военные действия». Заметьте: не «оборонные», а «военные». Я ни на йоту не верю миролюбивым заверениям натовских деятелей. А руководителей США я просто боюсь. Они ведут себя как актеры в боевике, а европейцам отводят роли статистов.

Я написал министру обороны письмо протеста. Ответа не было. Я его, впрочем, и не ждал. Но письма все равно буду писать. Так у нас многие делают. Это тоже работа на мир. Пусть знают, что нас много и мы не прячемся. Пусть знают, что мы думаем об их политике.

Мои родители боролись в подполье во время войны. До последнего времени отец работал на судовой верфи «Бурмейстер ог Вайн». Однажды он при-

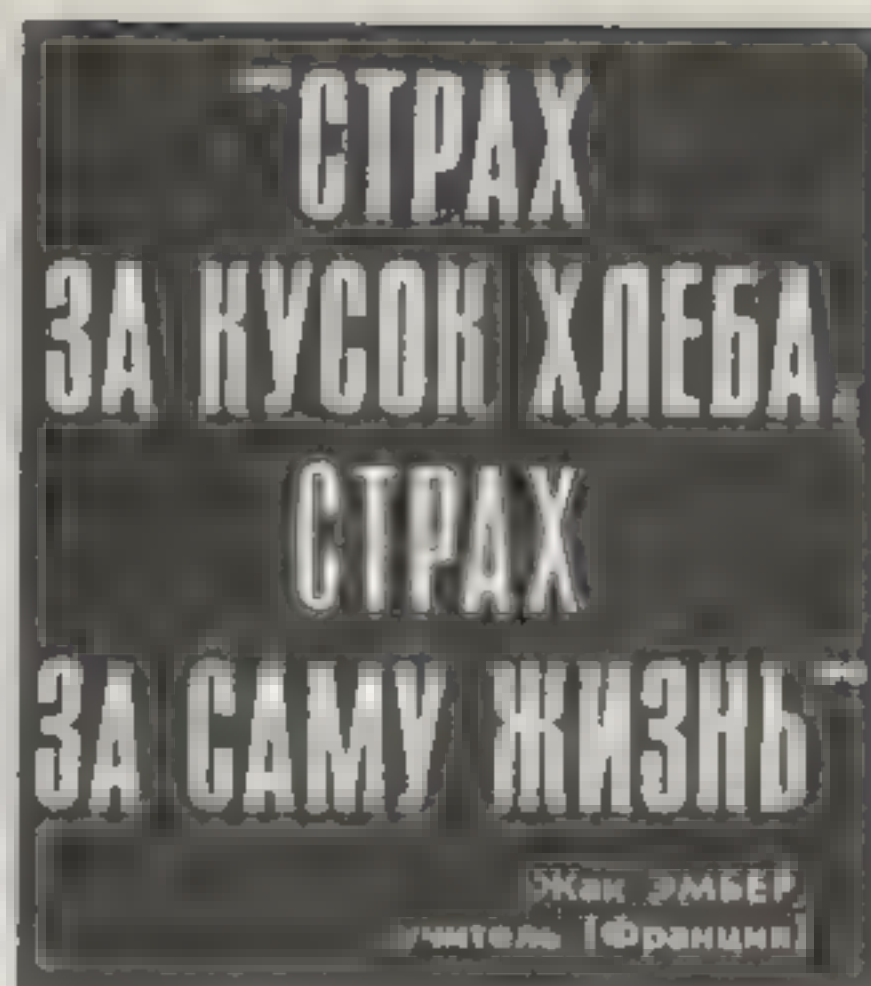

US MISSILES!

мчался с работы, словно на пожар, и сказал: «Включайте телевизор! Увидите, как я здороваюсь за руку с Гагариным!» Отцова рука была, наверное, одной из сотни, которые пожал советский космонавт. Но этой секундой в кадре я гордился не меньше, чем сам отец. Она для меня стала в один ряд с экспонатами музея Сопротивления в Копенгагене. Мой отец воевал вместе с отцами таких, как Юрий Гагарин, за то, чтобы никогда больше в Европе не вспыхнула война. Двадцать миллионов советских людей, погибших за освобождение не только своей страны, но и остальной Европы, — этот довод всегда перевесит любую клевету, которую возводит на СССР буржуазия

Обо всем этом я тоже написал — на этот раз министру просвещения. Ответа не будет, я не обольщаюсь. Но пусть прочтет, пусть узнает, что думает безработный учитель, один из тысяч.

В тридцать девятом, когда началась вторая мировая война, мне было десять лет. Отец попал в плен, и я его не видел до сорок пятого. Наш городок оккупировали нацисты. Несколько моих школьных друзьям пришлось нашить на спины пиджаков желтые шестиконечные звезды. Словно мишени. Они были из еврейских семей. Потом они исчезли. Одних вызвали в гестапо, и больше их никто не видел. Других спрятали знакомые

Мое отношение к войне и к борьбе против возможности новой войны, надеюсь, понятно. В эту борьбу я включился сразу, как только замолчали пушки. Помню грандиозную демонстрацию в Париже — протест против визита американского генерала Риджуэя. Он сколачивал блок НАТО. Полиция тогда расправилась с демонстрантами на редкость жестоко. Были убитые. Я вступил в коммунистическую партию

Уже двадцать пять лет я преподаю немецкий язык. Я даю моим лиценстам тексты и документы о прошлой войне, о современном развитии двух немецких государств — ГДР и ФРГ. Постоянная тема наших бесед — гонка вооружений и проблема разоружения, борьба за мир. Когда речь заходит о второй мировой войне, мои 16—20-летние собеседники обнаруживают удручающую неосведомленность. Они ничего или почти ничего не слышали об ужасах концлагерей, о страданиях, которые выпали особенно на долю советских людей, угнанных в Германию. Даже о Сопротивлении во Франции они имеют весьма приблизительное представление. Правые силы Франции «щадили» молодое поколение, утаивая от него правду о войне

Мои ученики были потрясены, просмотрев киноленту о взрыве атомной бомбы в Хиросиме. Глазам своим не верили, как такое могло произойти. Им теперь легче понять, что такое ядерные и нейтронные бомбы. А следовательно, понятнее и цели движения сторонников мира. Мне не безразлично, с какими мыслями мои ученики покинут лицей. Я был бы никудышным учителем, если бы заботился только об

усвоении ими грамматики и лексики. Я хочу сделать их гражданами, готовыми к самостоятельной жизни. А таковыми они не могут быть, если останутся невеждами в вопросах войны и мира. Таким образом, мое место и мой долг в борьбе за мир — это прежде всего мой учебный класс.

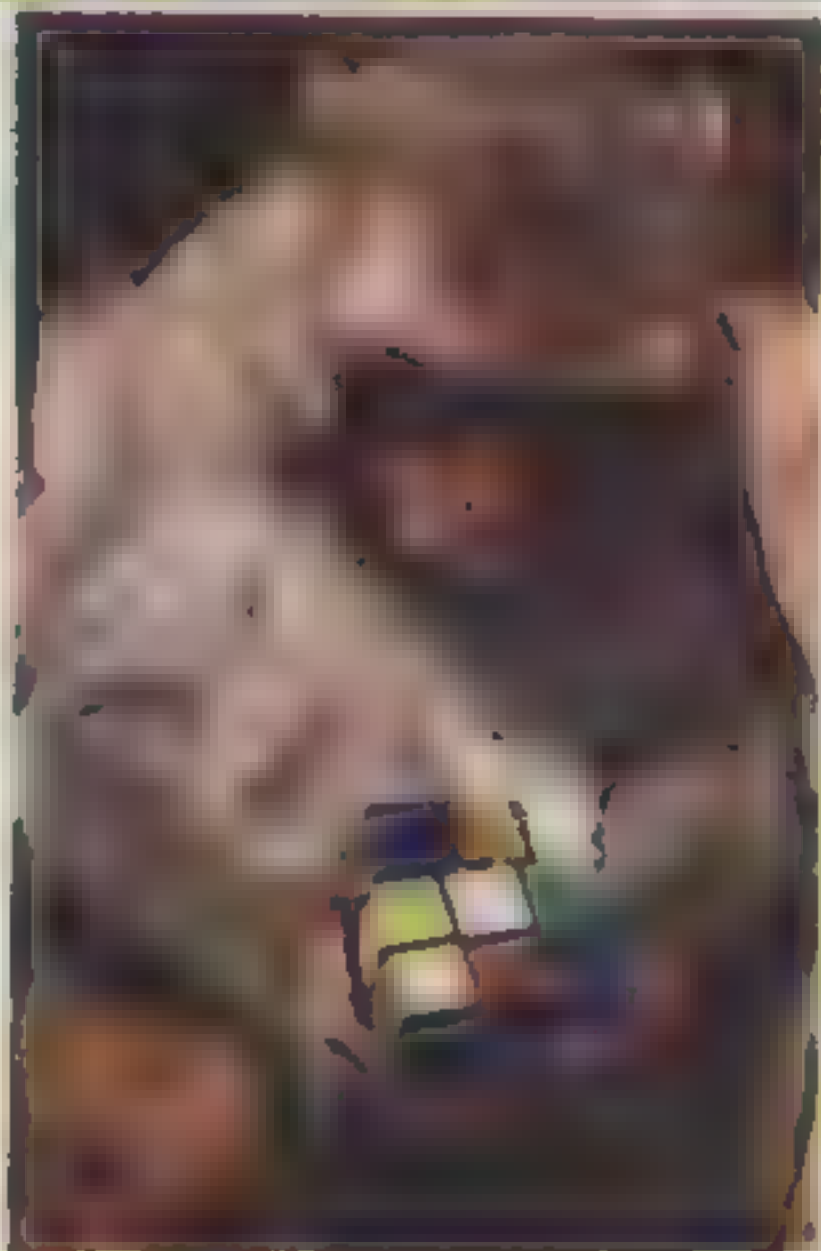
Молодежь давно усвоила взаимосвязь между военными расходами и своим экономическим положением. Иначе говоря, чем больше средства пожирает индустрия войны, тем меньше их остается для университетов, для создания рабочих мест выпускникам. Из года в год я наблюдаю одну и ту же картину. С приближением последнего дня учебы моих лиценстов охватывают растерянность, нервозность. Это очень трудная моральная ситуация. Советским студентам ее, думаю, не понять, и очень хорошо, что так

Неудивительно, что молодежь Франции и других стран Западной Европы все послевоенные годы с такой готовностью поддерживает призывы к сокращению расходов на вооружение. И все-таки в самое последнее время, мне кажется, произошел дополнительный психологический сдвиг в молодежном движении за мир. Почему такой невиданный размах приобрели антивоенные походы, демонстрации и митинги в Западной Европе летом и осенью 1981 года? Думаю, от осознания чудовищной опасности, которой грозят планы производства нейтронной бомбы в США, размещения в Западной Европе новых видов оружия массового уничтожения и другие военные приготовления Пентагона и НАТО. К страху за кусок хлеба добавился страх за саму жизнь

Участие в движении за мир — это еще и своеобразная школа политического самообразования. Молодежь видит, кто по-настоящему, искренне заинтересован в мире — рабочий класс и его союзники, то есть все трудящиеся. И узнает, кто всегда был виновником конфликтов и колониальных войн — во Вьетнаме ли, в Алжире, в Африке: буржуазия, капитализм. Что, если бы не существовало сейчас на земле социалистической системы, ее сдерживающего, отрезвляющего влияния на иные «горячие головы» на Западе? Страшно представить, как измывался бы империализм над странами Азии, Африки, Латинской Америки. И об этом задумывается молодежь, видя, сколь последовательно, твердо и энергично отстаивают мир и интересы освободившихся народов Советский Союз и другие страны социалистического содружества

Те, кто знает историю, кто представляет себе, что за муки пережил советский народ в минувшей войне, ценой каких жертв спас Европу от фашистского рабства, с открытым сердцем воспринимают мирные инициативы СССР, его протянутую для дружбы руку. Я сам из таких людей и хочу, чтобы их было как можно больше

Записал Б. СЕНЬКИН

ХОЧЕШЬ — ДУМАЙ, ХОЧЕШЬ — НЕТ

Кубик, изобретенный венгерским инженером Рубиком, журнал «Ланф» назвал «самым популярным увлечением прошлого года». И верно: «кубик Рубика» может быть весьма полезен — он развивает пространственное воображение и умение мыслить логически, эта игрушка — прекрасная модель для иллюстрации многих законов комбинаторики и математической теории групп. Сильнейшие «кубисты» регулярно устраивают соревнования (один из победителей, пятнадцатилетний итальянец Стефано Казера — на правом снимке. Его результат — 18 секунд. А официальный мировой рекорд — 25,79 секунды). Кстати, и для любителей «чего попроще» кубик тоже просто находка: число возможных вариантов взаиморасположения его частей — 43 квадрильона! Представляете, сколько времени можно провести, совсем не думая!

А ЧТО РИСУЮТ!

Необычная выставка состоялась недавно в ФРГ. На ней были показаны около 2000 детских рисунков, юные немцы рисовали Японию, как они ее себе представляют, а юные японцы — ФРГ. Каждый пятый подросток японец вспоминал времена фашизма: отряды штурмовиков, танки со свастикой, люди за колючей проволокой. А вот это рисунок школьника из ФРГ... Дети смотрят на жизнь серьезно: «Мы не хотим стать жертвами новой Хиросимы»

ПОКОЯ И ВОЛИ!

Тесно в Европе. Ну где-то человеку при деньгах развернуться! Шум, смог, очереди безработных, а то и митинги или демонстрации. Сплошные нервные перегрузки.

«На волю, в пампасы, в прерии или в бунду» — просит душа измученного цивилизацией бизнесмена Франк Вёрле из Ландсберга (ФРГ). И подыскивает он себе «островок» типа Австралии, и подается в Робинзоны, и берет себе в Пятимцы (телохранители) кого-нибудь из аборигенов. Начинается жизнь, полная покоя и воли: нет соседей и конкурентов, торопиться некуда, ходи себе босиком и в шортах, забудь, как завязывается галстук. Рай. Для Робинзонов с тугим кошельком.

Но и туда пробивается вездесущая цивилизация, наступают на голые европейские латки. Хорошо, вовремя догадался купить кусочек побережья. Там можно укрыться.

Некуда спрятаться только австралийским аборигенам.

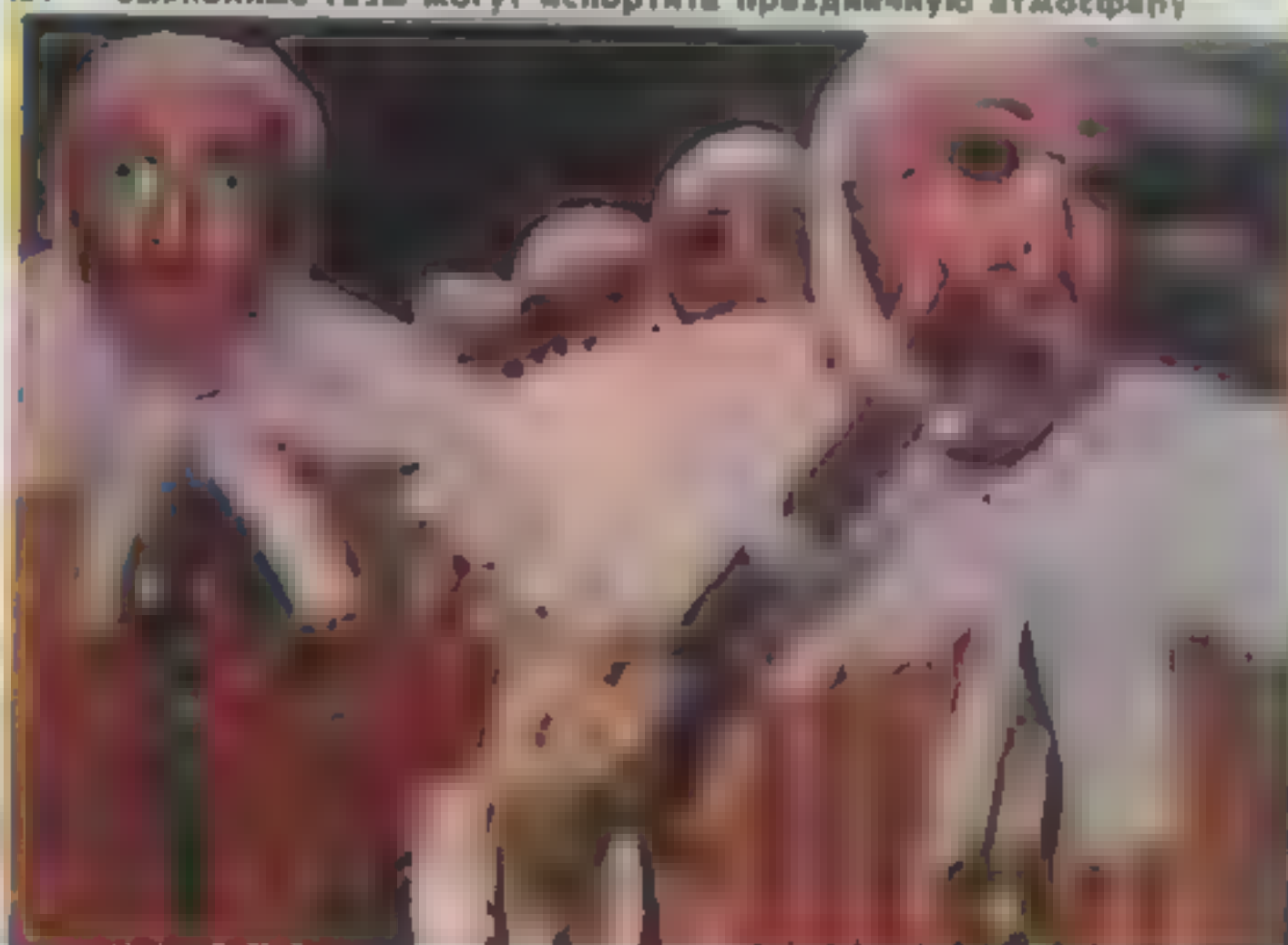
Петер Хофман — самый молодой и, по мнению специалистов, «один из лучших Лозингинов мира». Его прекрасный тенор звучал в известнейших театрах: от миланского «Ла Скала» и нью-йоркского «Метрополитен» до Большого театра в Москве. Но вот новость, которая озадачила музыкальный мир: Лозингин спустился с туманных высей древнегерманского эпоса на ...рок-сцену! «В оперу молодежь почти не ходит?», — объясняет Петер Хофман и добавляет, что рок имеет такое же право на существование, как и классика. Предполагается, что карьера «рок-Хоффмана» начнется с исполнения песен из репертуара Элвиса Пресли и «Битлз». А в уже законченном фильме «Хофман-специаль» артист чередует арии из опер Вагнера с песнями Синатры.

Известный певец Род Стюарт выступил в Лос-Анджелесе с необычными партнерами — двухлетней дочкой Кимберли и годовалым сынком Сиком. Была ли мама слишком занята, чтобы присмотреть за детьми, или певец решил быть оригинальным, осталось в тайне. Малышка Кимберли с явным испугом смотрит на толпу бушующих зрителей, а вот Сик чувствует себя вполне уверенно: ведь он смотрит свысока...

Многие любители фигурного катания помнят грациозную и изящную швейцарскую спортсменку Дениз Бильман, чемпионку мира прошлого года (теперь она ушла в балет на льду). Спортсменка форма по-прежнему поддерживается тренировками, а вот изящество... Расскажем «по секрету всему свету», что для Дениз Бильман это большой вопрос: «Я терпеть не могу мяса и обожаю сладкое». Тренеры составили для нее специальную диету, которую могут применять все, кто желает похудеть. Вот рецепт завтрака: 1 столовая ложка дробленого (на кофемолке) риса (или пшеницы, или ячменя, или овсяных хлопьев), выдержанного в воде 12 часов, 1 чайная ложка льняного семени, четверть стакана воды, 1 столовая ложка лимонного сока или немножечко тертой цедры, 1 столовая ложка сгущенки (или молока с медом) и тертое яблоко (можно и другие фрукты и ягоды). Днем — творог, орехи, изюм. И просто

Все течет, все изменяется. «И многое, к сожалению, забывается добавляют историки и этнографы. Как жили наши предки в прошлом позапрошлом и чуть далее веках, мы более или менее представляем. А раньше: тысячу, несколько тысяч лет назад? В поисках ответов на эти вопросы ученые со всей Европы съезжаются каждую весну в бельгийский город Бонш, где проходит карнавал, в котором, как считают специалисты, сохранились почти без изменений маски и ритуалы еще с позднего неолита. По улицам города под аккомпанемент музыки, которую участники карнавала играют на барабанах, танцуют, шествуют, шествуют движется процессия в масках, рисунок которых не имеет ничего общего с современными. Автомобильное движение в эти дни — выхлопные газы могут испортить праздничную атмосферу

ПРЕЛЕСТИ ОДИНОЧЕСТВА

Рассказ

Джон ЧИВЕР,
американский писатель

Однажды вечером Эллин Гудрич, только что вернувшись с работы в свою комнату в Челси, услышала легкий стук в дверь. Она никого не ждала, во всем городе не было никого, кто мог бы прийти к ней. Открыв дверь, она обнаружила в коридоре двух мальчиков. Им можно было дать лет по десять-одиннадцать. Одеты они были слишком легко и дрожали от холода.

Флоренс Валле здесь живет?

спросил один из них.

Я не знаю никакой Флоренс, сказала Эллин. — Вам нужно спросить у хозяйки, она живет на втором этаже.

Мы ищем Флоренс Валле. Она его двоюродная сестра, — сказал второй мальчик, показывая на своего друга. Она жила здесь.

— Очень жаль, — сказала Эллин, — но я с ней незнакома.

Может, она переехала, — сказал он. — Мы шли пешком всю дорогу.

Эллин редко чувствовала жалость или симпатию к людям, но мальчики выглядели напуганными и замерзшими, и желание помочь им оказалось сильнее ее обычной сдержанности. Она заметила, что они смотрят на тарелку с конфетами, стоящую на столе за ее спиной. Когда она предложила им взять по конфете и они отказались с застенчивой вежливостью, ей вдруг захотелось обнять их. Она решила дать им конфет с собой, чтобы они потом могли съесть их, не стесняясь, и пошла к столу. Они последовали за ней.

У вас очень хорошая комната, мисс, — сказал один из них.

Да, очень хорошая, — подтвердил второй.

Их худенькие лица были серьезными, а голоса хриплыми от холода.

— У вас разве нет пальто, мальчики? — спросила она. — Вот так вы и туляете по улице?

Нет у нас пальт, мисс.

— Но вы ведь можете простудиться.

— У нас нету пальт.

Они назвали свои имена и возраст, когда она спросила их об этом, и сказали, что живут в нижнем Ист-Сайде. Она бывала в этих трущобных кварталах и могла представить себе грязь и запущенность, в которых они жили. Пока она говорила с ними, ей пришло в голову, что за год с лишним она впервые разрешила войти в свою комнату кому-либо, кроме квартирной хозяйки. Но, поймав себя на том, что ей приятно говорить с мальчиками, задавать им вопросы, она резко оборвала себя.

Полагаю, вам пора уже идти, сказала она. — У меня еще много дел.

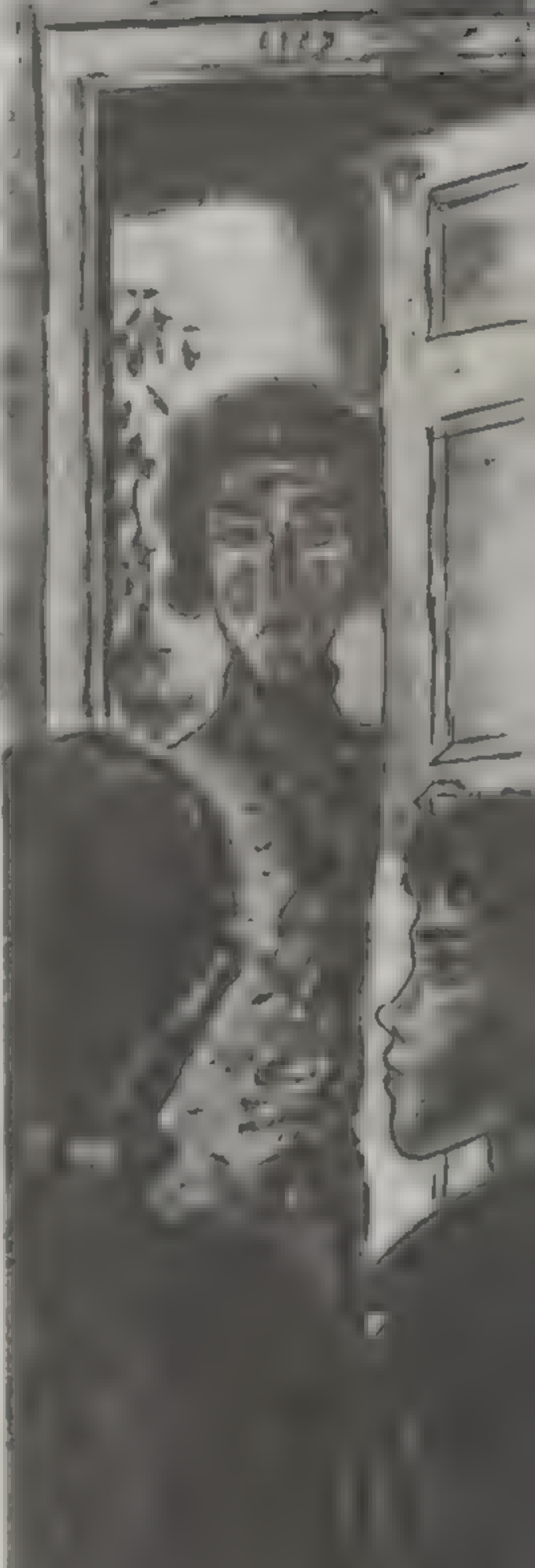
Они поблагодарили ее за конфеты и пятясь, вышли из комнаты. Как бы там ни было, эта неожиданная встреча оставила у нее приятное ощущение собственной доброты.

Эллин не была доброй. Она жила в Челси в дешевых меблированных комнатах только для того, чтобы откладывать как можно больше из зарплаты на свой банковский счет, который в будущем обеспечит ей пожизненную ренту. Ей всегда было трудно с кем-нибудь сблизиться. Все десять лет, что она жила в Нью-Йорке, она очень страдала от одиночества, но в конце концов забыла о своих страданиях благодаря дисциплине, к которой она приучила себя. Она была безжалостна к себе и другим. Ее мать однажды написала ей и попросила одолжить денег ее младшему брату. «Я думаю, будет лучше, — ответила Эллин, — если Харолд собственными силами справится со своими затруднениями. Только познав трудности, он научится ценить деньги. Я не собираюсь делать вид, что у меня нет денег, но то, что я накопила, потребовало от меня немалых жертв, и я не намерена одолживать Харолду, зная, что он мог бы зарабатывать не меньше меня, если бы как следует постарался. Я думаю, он должен больше помогать тебе, чем я, так как ты и отец потратили на его образование больше, чем на мое». В то время ей было двадцать восемь лет.

После того как мальчики ушли, Эллин переоделась в домашний халат и приготовила себе ужин. Порывы холодного ветра заставляли дребезжать стекла в рамах, и от этого в комнате казалось и теплее и светлее. Она вымыла гарелки и села в кресло с книгой, взятой в платной библиотеке. Так она проводила почти все вечера и гордилась тем, что не испытывает больше беспокойства и не чувствует себя одинокой. Но мысли ее возвращались к мальчикам. Она видела их худые, серьезные лица, и, когда представляла их идущими под холодным ветром, ее переполняли печаль и жалость. Ее размеренная, замкнутая жизнь заставляла ее придавать значение немногим, хоть сколько-нибудь необычным событиям. Была какая-то цель, чувствовала она, какая-то причина для этой случайной встречи.

Нечетко позже в такой же точно час раздался стук, и она снова обнаружила за дверью тех же мальчиков.

Рис. Е. ГРИЧУКА

— Мы шли мимо.
— Мы подумали, что можем зайти к вам

— Ну что ж, я очень рада, что вы зашли,— сказала Элли и поняла, что ее могли слышать другие жильцы, чьи двери выходили в тот же коридор.

В том, что она делала, не было ничего плохого, но она не хотела, чтобы соседи знали, что она приглашает к себе незнакомых мальчиков, поэтому она подождала, пока за ними не закрылась дверь, прежде чем заговорить снова.

— Я очень рада, что вы зашли,— повторила она

Она предложила им сесть. Затем она подумала было о том, чтобы угостить их кока-колой, но это показалось ей преждевременным. Они сказали ей, что они итальянцы, и она спросила их, знают ли они, как нужно готовить телятину по-пармски, чему она всегда хотела научиться. Они не знали, но зато рассказали ей про другие итальянские блюда. Один из мальчиков, старший, заинтересовался безделушками на ее туалетном столике, и Элли показала их ему. Младший вынул из кармана окурки сигареты и закурил.

— Не рано ли ты начал курить? — спросила Элли

Он посмотрел на друга, и они прыснули. Элли покраснела. Взгляды, которыми они обменялись, и их смех напугали ее.

— А вот эти штуки называются маракасы,— сказала она несколько нервозно, показывая на пару высушенных и раскрашенных тыкв, висевших на стене.— Я купила их во время круиза по Карибскому морю. Тамашние жители пользуются ими как инструментами в оркестрах. У них внутри насыпаны камешки

После случая с сигаретой мальчишки, похоже, почувствовали себя более раскованно. Элли могла бы их попросить уйти, но почему-то колебалась. Младший, докурив свой окурочок, ткнул его в плоскую хрустальную вазочку, в которой лежали заколки, и она ничего ему не сказала. Ей стало весело, хотя она не совсем понимала почему. Они рассказывали о своих семьях, о своих сестрах истории, которые были довольно непристойными и которые она должна была бы запретить им рассказывать. Через полчаса она попросила их уйти. Вскоре после их ухода она обнаружила пропажу кошелька

Если бы в этот момент они оказались в комнате, она могла бы убить их. Она схватилась за спинку стула и сжимала ее до тех пор, пока не заболели кисти рук и плечи

— Они не должны красть! — кричала она.— Они не должны красть! Не должны!

Она бросилась на кровать и долго плакала. Потом она села и стала составлять в уме речь о честности, которую мысленно обращала к ним. Она подумала о полиции, но когда представила, как описывает все, что случилось, полицейским, то все показалось неубедительным и даже подозрительным

Она пошла в ванную и вытерла лицо мокрым полотенцем

— Они не должны красть,— сказала она.— Они не должны красть. Я дала бы им денег, если бы они попросили.

Она ходила по комнате и разговаривала сама с собой

Утром Элли решила забыть о мальчишках; лучше потерять пятнадцать или двадцать долларов, которые были в кошельке, чем травить душу. Обычно она умела забывать то, что ее беспокоит, но на этот раз не так-то просто было это сделать. Где-то в глубине мозга шевелилась мысль, что она допустила какую-то ошибку, которая теперь угрожала всему образу ее жизни. Через несколько дней, в среду, кто-то опять постучал в дверь. Она открыла и увидела двух мальчишек в коридоре

Она должна была бы быть готовой. Она не раз релетировала речь, которую хотела бы им сказать, но теперь, когда она попыталась заговорить, все приготовленные слова вылетели из головы

— Входите,— сказала она наконец.— Входите, мальчики. Я хочу поговорить с вами

Они вошли вслед за ней в комнату

— Вы не должны красть,— сказала она.— Вы должны знать, что нельзя красть

Ее голос чуть не сорвался. Она дрожала так, что должна была прислониться к стене

— Если вам нужны деньги, если вам очень нужны деньги, есть честные пути, чтобы их получить. Вы украли мой кошелек, когда были здесь последний раз

— Мы ничего не крали, мисс.

— Мы не воры

— Ну ладно, я не собираюсь спорить с вами,— сказала она — Уходите

— Дайте нам пять долларов, мисс.

— Убирайтесь вон,— сказала Элли.— Убирайтесь, пока я не позвала полицию!

Они попятились и так и вышли из комнаты, не сводя с нее глаз. Она заперла дверь на ключ и прислушивалась к их шагам, пока они шли по длинному коридору. Ночью они приснились ей. Она не помнила деталей сна, но проснулась подавленной и напуганной. Всю следующую неделю она плохо спала. В пятницу она почувствовала, что простудилась, и отпросилась с работы пораньше. По дороге домой она зашла в библиотеку поменять книгу и купила кое-что из продуктов для обеда

Несмотря на болезнь, она радовалась одиночеству в этот день больше, чем когда-либо раньше. Она читала до сумерек. Прежде чем включить свет, она подошла к окну, чтобы задернуть штору. Между ее окном и глухой стеной соседнего дома косо летел снег. Она приняла ванну и легла в постель в семь часов. Ее немного лихорадило. Она уже засыпала, когда услышала их стук в дверь. Она вспомнила, что забыла запереть дверь. Некоторое время они переговаривались в коридоре, потом снова

постучали и затем открыли дверь. Увидев ее лежащей в постели, они вошли

— Вы заболели, мисс?

— Пожалуйста, оставьте меня в покое,— попросила она слабым голосом.— Прошу вас, уходите

— Нам нужны деньги, мисс.

— Разве вы не видите, что я больна? — сказала она. Ей было трудно говорить.— Пожалуйста, уходите. У меня нет денег.

Один из них увидел кошелек на столе. Он подошел к столу, высыпал из кошелька мелочь и начал вынимать бумажки. Она встала с постели и ударила его, но он уже зажал деньги в кулаке. Она попыталась отнять их, но он был сильнее; он выдернул руку, и они оба выбежали из комнаты. Она стала кричать через раскрытую дверь:

— Миссис Дюваль! Миссис Дюваль!

Никто не отозвался. Она бросилась на кровать и попыталась заплакать, но у нее не хватило сил даже на это. Через десять минут пришла хозяйка и спросила, что случилось. Элли сказала, что ей послышались голоса каких-то мужчин в коридоре и что пора починить замок на входной двери

На следующее утро Элли решила переехать. Это было нелегко для нее, но она была в отчаянии. Одна из сослуживиц порекомендовала ей дом на Тридцать седьмой улице, и Элли съездила туда и сняла комнату. Вечером она погрузила все свои пожитки на такси и переехала. Новая комната была хуже той, которую она оставила, но она сделала все возможное, чтобы в ней было так же уютно. У нее было ощущение, что она начинает новую жизнь.

На следующий вечер она возвращалась с работы пешком. Шел дождь. Свернув с Мэдисон-авеню на Тридцать седьмую улицу, она увидела их. Они стояли напротив дома и смотрели на ее окна. Дождь был холодный, а они стояли без шапок и пальто. Она дошла до Тридцать четвертой улицы и там пообедала в ресторанчике. Было уже восемь часов, когда она вышла. Их нигде не было видно. Она вошла в комнату, прислонилась к стене мокрый зонтик и переоделась в халат. Кто-то постучал в дверь. Она открыла и увидела их.

— Откуда вы узнали мой адрес?

— Женщина в том доме, где вы раньше жили, сказала

— Убирайтесь отсюда! Оставьте меня в покое, оставьте меня, слышите!

Она схватила зонтик и ударила младшего из них по плечу со всей силы. Он упал сначала на колени, потом ничком, а она продолжала бить его, в то время как второй кричал:

— Помогите! Полиция! Полиция!

Он кричал так громко, что его, наверно, было слышно на улице.

Перевод с английского
А. ГАВРИЛОВ

Что значит аббревиатура «Ю Би» и к ним цифра «40» — в Англии знают хорошо. Даже слишком хорошо: «Unemployment Benefit Attendance» — бланк на получение пособия по безработице, форма номер 40

Именно так решили назвать свой ансамбль несколько молодых англичан (которым, кстати, и самим не раз доводилось держать в руках эту бумажку). Эти молодые англичане жили в Мосли, пригороде Бирмингема, эти молодые англичане, естественно, очень любили музыку и по примеру других решили создать свой ансамбль. Была только одна трудность: никто из них, кроме саксофониста Брайана Траверса, до того в жизни не держал в руках никакого музыкального инструмента. Стали учиться играть: Эрл Фалконер на бас-гитаре, Майкл Виртью — на органе, Норман Хассан и Джим Браун на ударных, Робин Кэмпбелл и его младший брат Али — на гитарах. Вскоре к ансамблю присоединился Терренс Уильсон, предпочитающий выступать под псевдонимом Астро. Предполагалось, что он просто должен был танцевать на сцене во время концертов — «заводить» публику, но вскоре он стал исполнять обязанности конферансье

Кажется, все выглядит слишком просто: жили-были, решили научиться играть — научились, научились играть — добились успеха. И почему это у других не получается, а именно у этих получилось? Тем более что они и сами вроде бы своему успеху удивились: «Это определенно судьба нам улыбнулась», — говорил тогда Джим Браун. — Конечно, мы старались, упорно учились играть на инструментах. Но то, что нам удалось добиться такого успеха, — дело случая».

Ребята начали с выработки программы. Основных пунктов было два. Во-первых, в песнях рассказывать о проблемах, волнующих молодежь (интересно, кто это хочет петь о том, что других не волнует?). Во-вторых, заниматься популяризацией реггей. Впрочем, к тому времени в Англии реггей уже знали, эта музыка нравилась. Правда, мало кто относился к ней всерьез, ее воспринимали лишь как музы-

ку меньшинства — ямайских иммигрантов. А «Ю Би 40» хотели показать, что эта музыка заслуживает более серьезного к себе отношения

Сразу же следует сказать, что в популяризации реггей они добились многого. Они несколько «облегчили» реггей, сделав ее более привычной для европейского слуха, не нарушив при этом ее основы. Сначала они исполняли только «классику» реггей, потом написали несколько собственных инструментальных композиций. Выдающиеся ямайские исполнители реггей, такие, как Уинстон Родни и Клинт Иствуд, очень высоко оценили музыку нового ансамбля, так что второй пункт программы был вроде бы выполнен

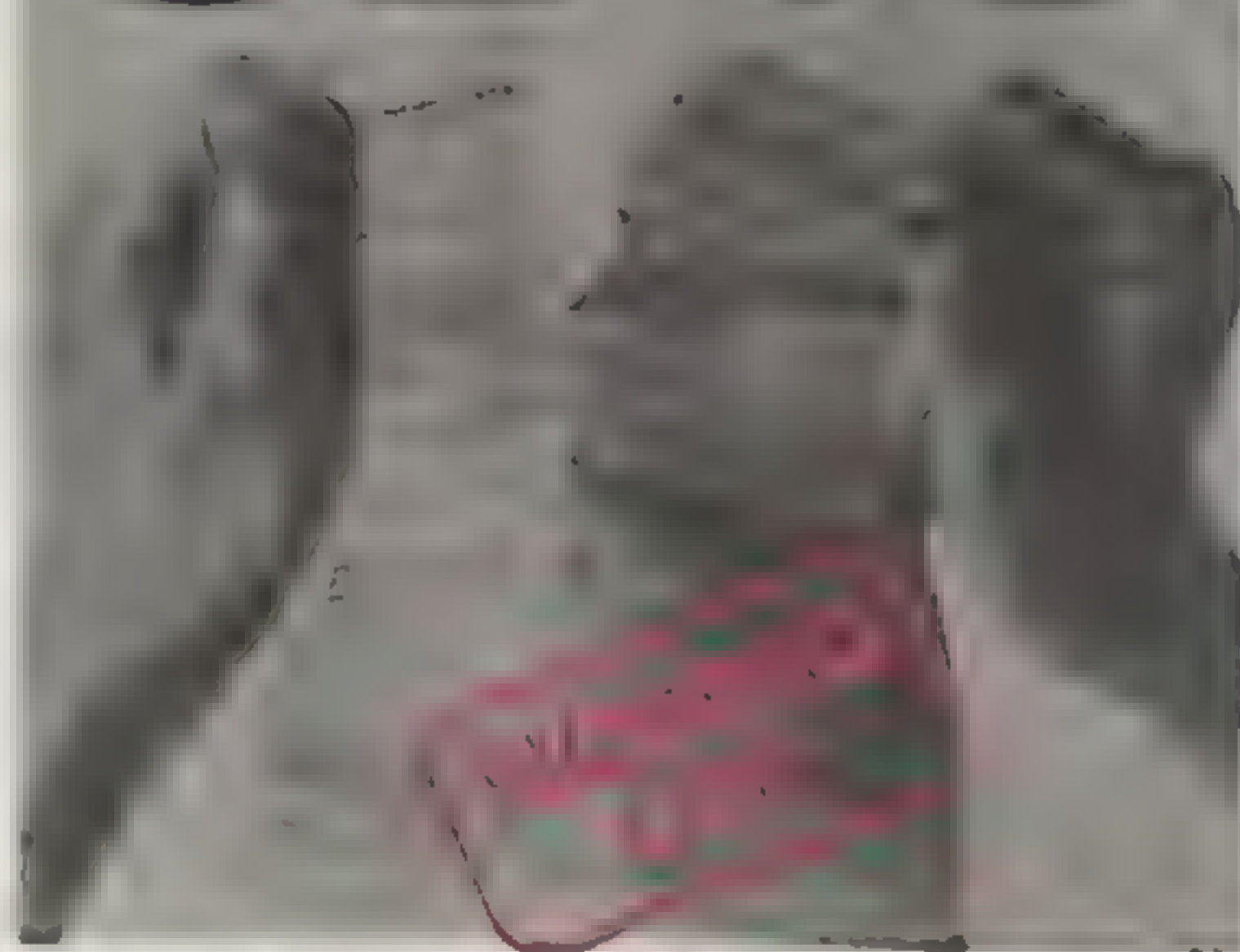
Композиции «обкатали» среди слушателей родного города, настала пора записывать пластинки. Начинать в маленькой студии по соседству

— Аппаратура была самая простенькая, — вспоминает Али, — часто на одну дорожку приходилось записывать партии бас-гитары, ударных и пианино вместе. Да что там говорить, мы в этой студии не могли все вместе собраться — места не хватало

После этого был подписан контракт с небольшой фирмой «Грэьюэйт», которая занялась распространением пластинок «Ю Би 40». Сотрудничество с неизвестной компанией было во многих отношениях неудобным для начинающей группы. Прежде всего финансовые трудности. Для того чтобы начать работу над пластинкой, нужно сначала получить прибыль от продажи предыдущей. В случае неудачи карьера ансамбля может кончиться после первой же сорокапятки. «Ю Би 40» прекрасно понимали это, но решили рискнуть, хотя имели возможность заключить контракт с какой-нибудь крупной фирмой — они получили несколько заманчивых предложений от «поисковиков новых талантов».

— Преимущество нашего положения в том, — говорил Робин, — что мы ничего никому не должны. Подпиши мы контракт с крупной фирмой, она перво-наперво вложила бы в нас большие деньги, но мы оказались бы по уши в долгах. Потом, конечно, фирма сделала бы нам рекламу,

UB40

ВРЕМЯ СТЫДА И ВРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

мы получали бы немалые суммы, но за счет нас обогащалась бы и фирма, а мы не хотим участвовать в бизнесе и от кого-то зависеть

Первые же сорокапятки принесли «Ю Би 40» успех и вошли в хит-парады. Появились средства, необходимые для записи долгоиграющей пластинки

Она вышла в 1980 году. Обложка ее была выполнена в виде все того же бланка «Ю Би 40». Всего в альбом (вместе с прилагавшейся к нему сорокапяткой) вошло тринадцать песен. И вот тут стоит подробнее остановиться на первом — и основном — пункте программы ансамбля: о чем они поют

Первая песня первого альбома — «Тайлер». Так звали молодого американского негра, арестованного в Луизиане во время марша протеста против деятельности ку-клукс-клана

— Случай довольно типичный, — говорит Али. — Схватили черного парня, обвинили в убийстве и посадили в тюрь-

му, хотя доказательств его вины не было, да и быть не могло — никого он не убивал. Но судья и все присяжные были белыми. Вынесли вердикт «виновен», и дело с концом. В Америке об этом случае много писали, он стал поводом для острых дискуссий по расовой проблеме. А у нас эта тема старательно обходится стороной, будто в Великобритании расовой проблемы не существует

Когда «Ю Би 40» было предложено выпустить сорокапятку в США, они выбрали именно «Тайлер»

Эта песня — рассказ о «частном» случае. А вот в песне «Время стыда» «Ю Би 40» берут проблему в целом и заставляют слушателя задуматься над тем, что лично он может сделать для ее решения

Происходят убийства, за которые мы в ответе. Нашим именем прикрываются всякие мерзости. И наша ответственность перейдет по наследству нашим детям

Мы — нация, идущая вслепую. Никто не остановится и не спросит «зачем?». Наши деньги идут на поддержку армии, а в Союэто умирают люди. Неужели нет нам дела до страданий Африки? На курке — палец солдата, но наводим винтовку мы. Я — британский подданный, но я не горжусь этим. Мой удел — нести бремя стыда.

— Эта песня о том, — считает Джим Браун, — насколько велика ответственность каждого из нас. Ведь если мы живем в стране, покрывающей зверства, мы тоже так или иначе к этому причастны. Ведь мы — граждане этой страны, и единственным оправданием для нас может служить лишь то, что мы тоже жертвы этой политической системы.

Альбом вышел на первое место в списке популярнейших пластинок Великобритании. «Ю Би 40» были просто ошеломлены свалившимся на них успехом, причины которого они сами, кроме как словами «счастливый случай», определить не могли.

Это за них сделали музыкальные критики: «Любителей музыки можно разделить на две категории. Первая покупает пластинки только для того, чтобы под них потанцевать. Вторая ищет в песнях отражения своих проблем. А музыка «Ю Би 40» подходит и тем, и другим».

Но, как ни странно, именно за это критики поначалу и журнили ансамбль. Рассуждения строились примерно следующим образом: если группа не коммерческая, если она взялась за решение каких-то проблем, то нужно быть до конца последовательными и отрицать систему в целом и в частности. А «Ю Би 40» начали выступать в коммерческих телепрограммах. Да и вообще, все их песни какие-то уж слишком «умеренные».

По этому поводу Робин Кэмпбелл сказал:

— Обвинения в наш адрес, по-моему, не совсем верно сформулированы. Проблемы-то мы затрагиваем острые, да и варианты их решения предлагаем не такие уж «умеренные». Просто кое-кому не нравится, как мы об этом говорим. Мы, видите ли, недостаточно резки в формулировках.

Много есть групп, которые свои мысли формулируют резко, но какой в этом толк, если ни одна радиостанция такую песню в эфир не выпустит?

Логика проста: «Ю Би 40» прежде всего нужно было выйти на широкую публику, а сделать это легче всего с помощью радио и телевидения. Причем популярность в данном случае не была самоцелью. «Ю Би 40» стремились к тому, чтобы как можно больше людей услышало их песни. И это им удалось.

Окрыленные успехом пластинки, «Ю Би 40» предприняли большое турне по Великобритании. Публика, знакомая уже с ансамблем по записям и радиопередачам, раскупила билеты за много дней до начала концертов. Много внимания этому турне уделила музыкальная пресса. Вот что писал «Нью мюзикл экспресс»: «Создается впечатление, что все восемь музыкантов — единое целое. Они прекрасно понимают и дополняют друг друга. Ярких индивидуальностей среди них, пожалуй, нет. Они предстают как коллектив музыкантов, для которых ансамбль — все».

— Среди нас нет «самобитных солистов», — говорит Али. — Чтобы ими быть, нужно иметь настоящий музыкальный талант, но никто из нас этим похвалиться не может. Мы уверенно чувствуем себя вместе, но по отдельности мы далеко не звезды.

Взгляды членов «Ю Би 40», конечно, не всегда совпадают. Нередко возникают споры по поводу содержания песен, участия ансамбля в тех или иных политических кампаниях. Они этого не скрывают, считая это вполне естественным.

— Это даже хорошо, что мы такие разные, — говорит Эрл Фалконер. — У всех есть свое мнение, но никто его не навязывает другим. Все серьезные проблемы мы обсуждаем, а решения принимаем путем голосования. Создается своего рода цеховая атмосфера.

Все это, конечно, очень хорошо, рассуждали умудренные опытом музыкальные критики, и цеховая атмосфера, и этот нон-конформизм. А вот как дальше пойдет? Ансамбль выпустил пластинку, проданную огромным тиражом, совершил успешные гастролы.

Появились деньги, известность. А это всех меняет. Теперь, по всей видимости, и они станут очередной коммерческой группкой, поставляющей песенки для хит-парадов.

Но произошел случай, который убедительно показал, что формула «успех — деньги — деградация» в данном случае неприменима. Причем — ирония судьбы! — произошел то как раз благодаря всевозрастающей популярности «Ю Би 40». Многие фирмы за рубежом — в США, Канаде, ФРГ, Франции, Скандинавии — купили у компании «Грэдьюзйт» права на издание пластинок «Ю Би 40». Все это, естественно, приносило немалые прибыли дотоле никому не известной, а ныне окрепшей и разбогатевшей компании из Бирмингема. Решено было выпустить диск и в ЮАР, но представители тамошних фирм поставили условие: убрать песню «Бремя стыда». Именно в таком «сокращенном» варианте альбом и вышел в ЮАР. Представители прессы обратились к «Ю Би 40» за разъяснениями. И тут выяснилось, что «Грэдьюзйт» заключила сделку без ведома ансамбля.

— Мы бы на это ни за что не согласились, — сказал возмущенный Робин Кэмпбелл. — Больше всего мы хотели, чтобы эту песню слышали именно в Южной Африке.

Все ждали: как же поведут себя члены ансамбля? Ведь прибыли от продажи пластинок фирма и группа делили пополам. Стоит ли беспокоиться из-за одной песенки?

«Ю Би 40» решили, что стоит. Для них это был вопрос престижа. Сейчас они могли на деле доказать, что не страсть к деньгам заставляла их выйти на сцену. Они порвали с «Грэдьюзйт». Немногие решились бы на такой шаг. Ведь это значило потерять весьма крупную сумму, да еще и остаться без аппаратуры, без студии. Снова посыпались предложения от крутых фирм грамзаписи. Условия контрактов были настолько

заманчивы, что изло кто верил, что «Ю Би 40» устоят. Но они отклонили эти предложения, решив пачать все сначала. Теперь, чтобы действительно ни от кого не зависеть, они решили основать собственную фирму. Но для этого нужны были деньги...

— Как-то пеловко было, — вспоминает Брайан. — Получалось, что известная всей Англии ансамбль просит милостыню. Но другого выхода у нас не было. Мы через прессу обратились к общественности за финансовой помощью, объяснили ситуацию. И нас поняли. Со всей страны люди присылали нам деньги.

Была основана компания «Деп интернэшнл». Ансамбль много работал, собирал материал для нового альбома, выпустил две сорокалятки, которые вошли в хит-парады. Долгоиграющая пластинка появилась в 1981 году. После успеха их первого альбома «Ю Би 40» решили, что пластинка подготовлена к восприятию реггей в более чистом виде и даже применили характерную для реггей технику звукозаписи.

Слушателям и этот альбом «Ю Би 40» пришелся по вкусу — он тоже стал пластинкой номер один в Великобритании. Но критика отнеслась к нему более сдержанно, усмотрев в некоторых местах повторение старого материала. Действительно, с музыкальной точки зрения пластинка не явилась ни для кого открытием, никаких принципиально новых находок она не содержала. Но разве можно каждый раз требовать находок — ведь идет работа. И все же кое-какие достижения уже налицо. Повысилась культура исполнения, определенно грамотнее стала аранжировка. У ансамбля появилась своя духовая секция — Астро на трубе и Норман Хассан на тромбоне.

Второе турне по городам Англии «Ю Би 40» совершили уже, так сказать, в ранге «звезд». Однажды к ним в гостиницу — хорошую гости-

ницу, довольно дорогую — пришел корреспондент «Нью-мюзикл экспресс». Беседа была продолжительной, затрагивала много проблем. Дошел черед и до той, которая давно уже не давала покоя прессе.

Корреспондент: Теперь вы известны, у вас есть деньги. Что-то в вас изменилось?

Брайан Траверс: Да, конечно. Изменился наш образ жизни. Я помню, как мы с Эрлом ежедневно думали лишь о том, удастся ли нам сегодня поехать. А теперь мы просто ходим по магазинам и покупаем все необходимое. Да, мы стали богаче, но именно благодаря этому мы можем делать больше для других. Теперь мы можем себе позволить кое-что такое, что раньше было невозможным. Например, более дешевые билеты на наши концерты для безработных или вообще бесплатные выступления.

Робин: Но мы, кажется, ничуть не стали хуже. Наши песни по-прежнему волнуют слушателей. После появления песни «Не упустить» мы получили много писем. Одно из них было от священника, который писал: «Я скажу своим прихожанам, чтобы они не слушали вашей музыки, вы — настоящие еретики».

Корреспондент: И все же нельзя не отметить, что многие ваши тексты какие-то незаконченные. Например, в песне «Мало-помалу» вы поете о том, что капиталистическая система держится на угнетении бедных богатыми и что скоро с этим будет покончено. Но как, этого вы не говорите.

Робин: По-моему, гибель капитализма просто естественна. Это саморазрушающаяся система. Но я согласен, что в этом смысле наши песни чего-то недоговаривают.

Думается, не следует искать в музыке «Ю Би 40» ответов на все вопросы. Члены ансамбля так же молоды, как и их слушатели. Так же, как и они, не во всем еще толком разобрались. Но очень хотят разобраться. И, что самое главное, понимают меру своей ответственности. Иллюстрацией этому может служить песня из их второго альбома, которую мы публикуем на IV странице обложки.

Л. ЗАХАРОВ

В провинциальном японском городе Тацуме жили молодой человек и девушка. Их комнаты разделяла тонкая перегородка. Девушка увлекалась музыкой и целыми днями играла на электрооргане. Молодой человек, будучи студентом — а соперничество и требования в японских вузах одни из самых высоких в мире, — проводил свои дни в зубрежке, готовясь к экзамену. И эта история, которая могла бы закончиться идиллией, закончилась трагедией. Обезумев от звуков музыки, которые обрушивались на него со всех сторон в этом шумном доме, расположенном в одном из шумных кварталов шумного города, молодой человек не выдержал. Схватив кухонный нож, он решил раз и навсегда покончить с источником своих мучений, зарезав двух из своих соседей. Органистка осталась жива. А студент добровольно явился с повинной в полицию. Однако нельзя быть уверенным в том, что в тюремной камере или в японском госпитале он обретет столь долгожданную тишину. Тишину, о которой ежедневно мечтают многие миллионы его сограждан.

История необычная, но и не сенсационная. Она не вызвала, если можно так сказать, много шума... Это лишь один из многих случаев, публикуемых в рубрике «пронсшествия», лишь короткий взрыв гнева и отчаяния, быстро потонувший в общей какофонии шума, которая приводит к непрерывному росту в стране числа нервных заболеваний, судебных исков и преступлений. В стране, где традиционное искусство всегда было пронизано ощущениями покоя и уравновешенности, где поэты воспевают шелест ветра, бесшумное падение снежинок и созерцательную благодать тишины, где люди, как принято считать, наделены от рождения тонким слухом, чувствительным к малейшим трепетным звукам матери-природы, в этой стране царствует сейчас просто адский шум. Империя восходящего солнца все больше превращается в империю децибелов.

Эта звуковая волна становится еще больше из-за чрезмерной тесноты в городах,

повседневной потребности разрядиться, которую вызывают у миллионов трудящихся недовольство жизненными и социальными условиями, а также массовое следование почти всегда шумной моде и традиционно японское пристрастие к крикам и командам.

Это шумовое загрязнение окружающей среды, это насилие над слухом превратилось в главное национальное бедствие. Японцы, питающие пристрастие к статистическим данным, особенно когда они свидетельствуют об их превосходстве, могут записать на свой счет и этот рекорд сомнительного достоинства.

В докладе, опубликованном недавно одной научной комиссией, утверждается, что если в Токио не будут приняты радикальные меры по снижению уровня городского шума, к концу этого десятилетия жителям придется, прежде чем рискнуть выйти на улицу, использовать специальные средства для защиты ушей. Авторы доклада подсчитали, что если можно было бы преобразовать то количество шума, которое повседневно затопляет Японский архипелаг, в полезную энергию, это составило бы от 18 до 30 тысяч киловатт-часов в сутки. Они подсчитали также, что в жилой зоне столицы плотность шума такова, как если бы 800 тысяч оживленно беседующих человек расположились на площади в один квадратный километр. В заключение авторы доклада не могут не прийти к выводу о том, что в Токио существует серьезная угроза для слухового аппарата его жителей. Но будет ли услышан этот вывод?

Согласно еще одному исследованию, проводившемуся в 300 тысячах различных точек города Токио, выяснилось, что примерно в 83 процентах этих пунктов уровень шума превышает допустимые нормы в течение дня, а в 50 процентах — и в течение ночи. В квартале Дентёку Миянами, например, средний уровень шума составляет 95 фонов, в то время как допустимый порог шума, выше которого условия для жизни человека уже становятся ненормальными, составляет 80 фонов.

У властей нет недостатка в установленных нормах и раз-

Рис. С. ТЮНИНА

работных правилах, но, судя по всему, бесконечно трудно обеспечивать их неукоснительное выполнение в условиях промышленной и коммерческой конкуренции.

Но, так сказать, «тяжелая артиллерия» Токио — это, бесспорно, поезда, в особенности сверхскоростных линий «Синкансэн». Чтобы дать представление об этом шумовом потоке, который ежедневно вовлекает в свой водоворот каждого обычного жителя Токио, мы подробно опишем один день служащего, некоего Судзуки (столь же распространенная в Японии фамилия, как во Франции Дюпон).

В шесть часов утра раздается звонок будильника. Жена уже на ногах, занимается детьми и готовит завтрак. В это же время завтракают и соседи. Начинается звуковая «бомбежка». Как всегда, жена уже включила телевизор, который она смотрит или просто рассеянно слушает в течение примерно пяти часов в день.

Чтобы доехать электричкой или метро до конторы, где он работает, Судзуки нужно сделать две или три пересадки. На станции отправления, на конечной станции и при каждой пересадке, на перроне, соседствующем с другими перронами, на пассажиров обрушиваются звонки, свистки, объявления по радио, а иногда оглушительная музыка.

После полутора часов дороги, во время которой он мог либо задохнуться, либо ог-

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, Г-Н СУДЗУКИ!

Ролан-Пьер ПАРЕНГО,
французский журналист

лохнуть (такое же испытание ожидает его и на обратном пути), людская толпа выносит Судзуки под грохот объявлений в город на одной из крупных станций, пропускающих ежедневно несколько сот тысяч или даже более миллиона пассажиров. Выйдя, например, на станции Сибуйа в гулом грохоте пешеходных мостиков-переходов, вибрирующих от движения поездов, и смешавшись с бурным потоком людей и автомобилей, заполняющих улицы, он рискует с ходу попасть под град бравурных военных маршей и пламенных патристических воплей группы правых экстремистов. Взорвавшись на ошестившиеся императорскими флагами и громкоговорителями небольшие автофургоны, эти одетые в форму воинственные молодые люди, которым грезятся самурайские мечи и кровь, выкрикивают лозунги в поддержку довооружения страны и изрыгают проклятия в адрес коммунизма. Шум, производимый ими, не соответствует практически полному отсутствию интереса к ним у прохожих. Но, поскольку их хорошо финансируют, ультраправые продолжают упорно разъезжать по улицам города под звуки военных маршей былых времен. По иронии судьбы на той самой площади Сибуйа, где Судзуки приходится, работая локтями, пробиваться сквозь толпу, сверкает гигантское электронное табло, на котором отображены данные об уровне уличного шума скорее ради информации как таковой, чем для того, чтобы повлиять на психологию людей.

потому что именно на этой площади, где проходим напоминают о нарастании «шумового загрязнения» окружающей среды, так любят демонстрировать силу своих голосовых связок группы болельщиков бейсбола, учащих колледжей или просто разгулявшихся пьяниц.

Отсюда наш герой может добраться в свою контору двумя путями. Он может пойти пешком — по торговым улицам, где из каждого магазина громкоговорители обрушивают на прохожих нескончаемый поток рекламных объявлений... Либо он может спуститься в метро, где все же менее шумно.

И наконец, последний этап перед работой — Судзуки заходит в кафе. Здесь его ожидает в качестве, так сказать, бесплатного приложения музыка. «Это делается как для создания уютной атмосферы, так и для того, чтобы перекрыть шум голосов посетителей», — говорит один из завсегдатаев. Интересно, что изобретут для того, чтобы перекрыть, в свою очередь, эту музыку?

Возможно, что в бюро, где работает Судзуки, царит необычайная тишина, но скорее всего это окажется небольшое переполненное людьми помещение, где слишком много телефонных аппаратов и где рядом, на высоте пятого этажа, проходит автомобильная эстакада.

В полдень, на время обеда, и вечером, закончив работу, наш герой вновь отважно окунется в непрекращающийся городской шум, к которому еще добавится много всяких звуков исключительно активной здесь ночной жизни.

Возможно, он зайдет в одно из шумных кафе, чтобы перекусить и поговорить с коллегами своего ранга о методах повышения производительности или качества работы. И он будет пить, нередко до сильного опьянения.

Возможно, он предпочтет пойти развлечься в «платинко» — зал игровых автоматов и будет как загипнотизированный следить за позыакивающими стальными шариками. Это своего рода маленький Лас-Вегас: в Японии

функционирует более 10 тысяч залов «платинко», а в каждом зале насчитывается в среднем по 200 автоматов.

Оглушительная игра, но все же не настолько, как «караоки» — новое ночное развлечение для тех, кого мучает избыток энергии. Как здесь часто случается с новыми модными увлечениями, оно распространилось моментально: число баров и кабаре, которые ввели у себя «караоки», исчисляется уже тысячами. Нет числа последователям этой моды так же, как и поступающим в связи с этим жалобам, большей частью остающимся без ответа. «Караоки» — это возможность для любого из посетителей, как правило, к концу вечера, когда уже выпито достаточное количество саке или виски, чтобы придать

храбрости и затуманить мозги, публично исполнить какой-нибудь романс или песню. Правда, все это скорее похоже на рычание, чем на пение, но главное, что для этого требуется совсем немного: маленький оркестрик или даже всего лишь магнитофонная пленка с записями мелодии и микрофон. Успех гарантирован.

С осипшим голосом и слегка заплетавшимися ногами наш г-н Судзуки, проведя очень насыщенный день, ввалится в последнюю электричку или в первое подвернувшееся такси, чтобы вернуться домой, где его ожидает несколько часов заслуженного отдыха (если только рядом с его домом нет, например, бара с «караоки»). А утром все начнется сначала. Спокойной ночи, г-н Судзуки!

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

БУХАРЕСТ. В столичном Политехническом институте прошла выставка студенческого научно-технического творчества, посвященная 60-летию образования Союза коммунистической молодежи Румынии. На ней были представлены более 500 экспонатов, предназначенных для применения в разных отраслях экономики, прежде всего в энергетике и сельском хозяйстве. Научное творчество студентов носит в республике массовый характер. Студенты — авторы 216 изобретений, зарегистрированных в 1979—1981 годах в национальном бюро по изобретениям и рационализаторским предложениям.

ЯУНДЕ. Сотни юношей и девушек со всех концов Камеруна съехались в район города Ягва, который расположен на севере страны. Они приступили к осуществлению второго этапа национальной программы «Зеленый сахель». Основная цель этой программы — остановить наступление пустыни, превратить засушливые районы севера республики в цветущий, плодородный край. Для этого молодежные отряды планируют высадить здесь сотни тысяч деревьев.

ЛИССАБОН. Сотни учащихся старших классов и студентов пронесли по улицам португальской столицы лозунги: «Нет ядерному оружию!», «Деньги на образование, а не на оружие!» Дойдя до реки, протекающей по городу, они сбросили в ее воды бумажный макет атомной бомбы. Так молодые португальцы выразили свой протест.

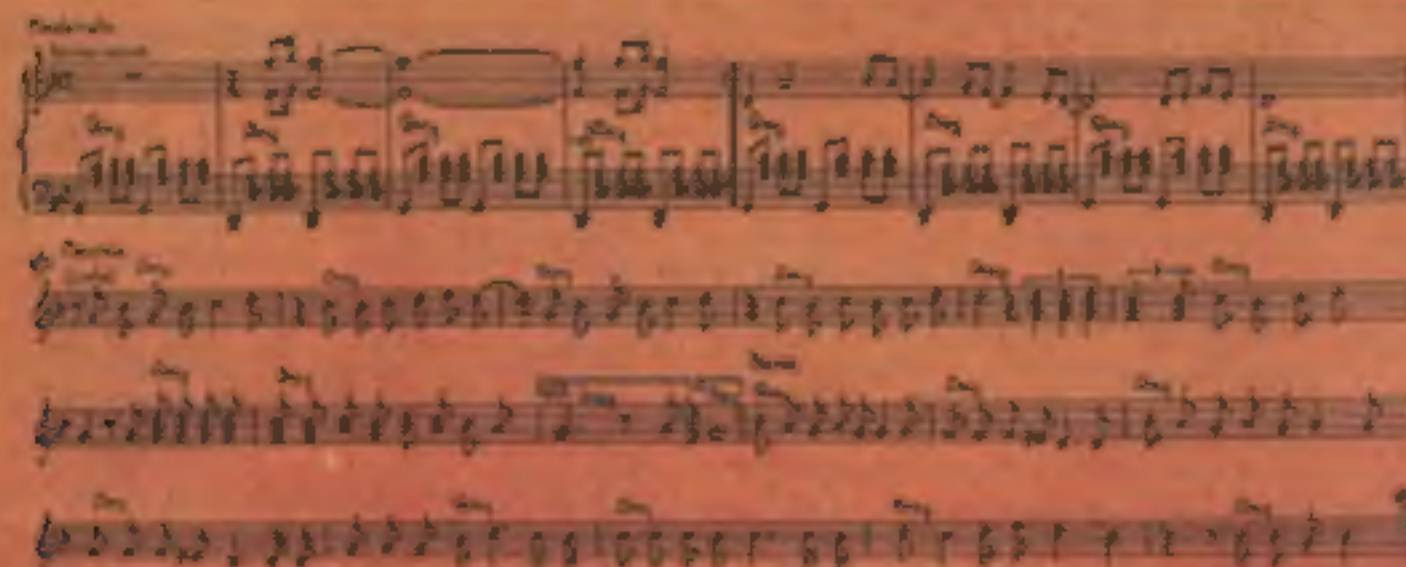
ХАРАРЕ. Правительство расистского меньшинства в Родезии практически не уделяло никакого внимания вопросам здравоохранения. Медицинские службы концентрировались в «белых» городах. В результате сейчас в независимом Зимбабве, по данным министерства здравоохранения, на 55 сельских районов, где живет 80 процентов коренного населения страны, приходится всего 26 больниц и 16 врачей. Правительство республики наметило ряд мероприятий для перестройки системы здравоохранения. К концу 1984 года в сельской местности планируется организовать 316 центров медицинского обслуживания. К работе в них будут привлечены врачи бывшей партизанской армии, которых в 1979 году насчитывалось около семисот.

«Один из десяти» — так называется песня ансамбля «Ю Би 40», рассказ о творчестве которого опубликован на странице 30 этого номера. Публикуемая песня взята из альбома, выпущенного группой в 1981 году: тогда каждый десятый работоспособный англичанин был безработным. В этом году арифметика другая: безработный — каждый восьмой.

Аранжировка А. Клевцкого, русский текст В. Татаренко.

УВ40

Индекс 70781
Цена 35 коп.

Припев:

I am the one in ten, a number on a list,
I am the one in ten, even though I don't exist,
Nobody knows me though I'm always there,
A statistical reminder of a world that doesn't care.

1. My arms enfold the dole queue,
Malnutrition dulls my hair,
My eyes are black and lifeless
With an unprivileged stare.
I'm the beggar on the corner
Will none spare a dime.
I'm the child that never learns to read,
Cause none spared the time.

Припев.

2. I'm the murderer, the victim,
I'm licenced with a gun,
I'm the sad and bruised old lady
In an alley, in a slum.
I'm a middleaged businessman
With chronic heart disease.
I'm another teenage suicide
In a street that has no trees.

Припев.

3. I'm a starving third world mother,
A refugee without home,
I'm a housewife hooked on Valium,
I'm a pensioner alone.
I'm a cancer-ridden spectator
Covering the earth,
I'm another hungry baby,
I'm an accident of birth.

Припев.

Припев:

Один из десяти — я номер на листе.
Один из десяти — я здесь, и я — нигде.
Никто меня не знает, до меня им дела нет,
Я число, и равнодушно мир глядит мне вслед.

1. Я вечный безработный,
Я нищий на углу,
Безграмотный мальчишка,
В трущобах я живу.
Человек второго сорта —
Вот кто я для них такой.
Их статистике паршивой
Я мешаю — я живой!

Припев.

2. Я загнанный чиновник,
Все время в сердце страх.
Я боль седой старухи,
Я грусть в ее глазах.
Я отчаянье подростка
В шуме улиц городских.
Я тоска, я унижение,
Я печаль в сердцах людских.

Припев.

3. Я мать, которой нечем
Детей своих кормить,
Бездомный чернокожий
В толпе, где все равно.
Никто так много горю,
Зачем тогда, скажи,
Я в этот мир явился,
Коль в нем так страшно жить!

Припев.